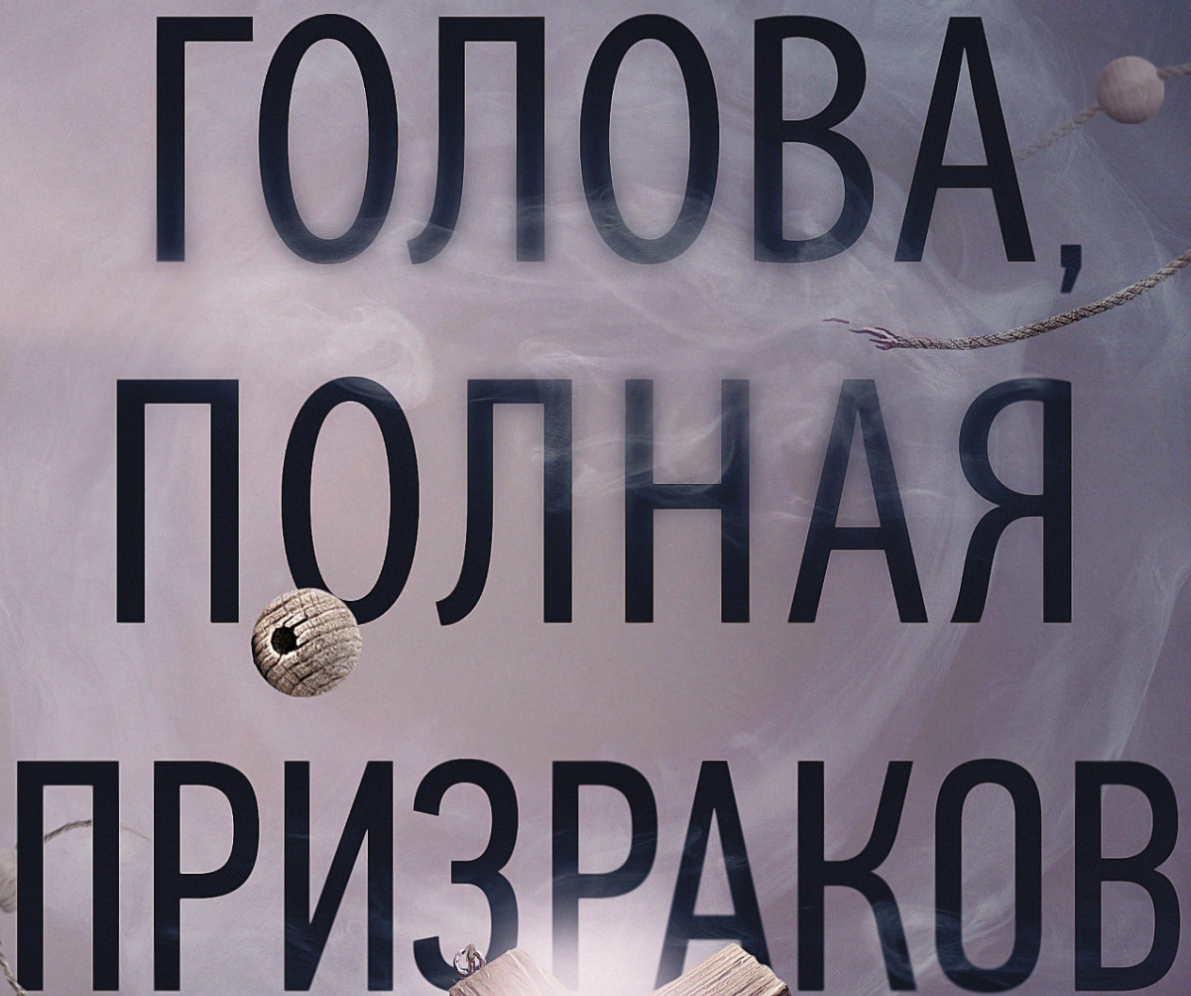

Пол Тремблей

«Эта книга до смерти испугала меня – а ведь меня нелегко испугать».

СТИВЕН КИНГ

ГОЛОВА,
ПОЛНАЯ
ПРИЗРАКОВ

НОВЫЙ МИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

18+

Новый мистический триллер

Пол Дж. Тремблей

Голова, полная призраков

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Тремблей П.

Голова, полная призраков / П. Тремблей — «Издательство АСТ»,
2015 — (Новый мистический триллер)

ISBN 978-5-17-132584-8

15 лет назад. Жизнь семьи Барретт рушится, когда они узнают о диагнозе своей четырнадцатилетней дочери Марджори. У девочки все признаки острой шизофрении, и, к отчаянию родителей, врачи не в силах остановить ее безумие. Тогда Барретты обращаются к священнику, который предлагает провести обряд экзорцизма, веря в то, что в Марджори вселился демон. А чтобы покрыть бесконечные медицинские расходы, родители девочки соглашаются на участие в реалити-шоу... Наше время. Младшая сестра Марджори дает интервью известной писательнице, вспоминая события, которые произошли, когда ей было восемь лет. Ее воспоминания сильно отличаются от того, что транслировалось по телевидению. На поверхность начинают всплывать давно похороненные секреты, поднимающие непростые вопросы о памяти и реальности, науке и религии, а также о самой природе зла.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-132584-8

© Тремблей П., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	40
Глава 12	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Пол Дж. Трэмблей

Голова, полная призраков

Text copyright © 2019 by Paul Tremblay

© К. Батыгин, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Посвящается Эмме, Стюарту и Ширли

«Как помню, первой к краю бездны подступила она, под отзвуки дешевого фильма».

– Future of the Left, «Ирландия глазами идиота»

«Как же приятно быть в этой большой комнате и ползать по ней, как мне заблагорассудится!»

– Шарлотта Перкинс Гилман, «Желтые обои»

«Поделиться с тобой секретом? Обещаешь никому не говорить? Тайну невяную я тебе открою: мы с тобой здесь совсем не одни».

– Bad Religion, «Голова, полная призраков»

Часть 1

Глава 1

– Мередит, тебе наверно сейчас тяжело?

Рэйчел Невилл, писательница – автор бестселлеров, одета в идеальный наряд для осени: синяя шляпа в тон подобранной со знанием дела юбке по колено и бежевый шерстяной жакет с пуговицами величиной с голову котенка. Она всеми силами пытается не оступиться на неровной дорожке. Каменная тротуарная плитка с выступающими из-под земли краями местами перекосилась и качается под ногами Рэйчел, как готовые выпасть молочные зубы. В детстве я обвязывала шатающийся зуб красной зубной нитью. Нить оставалась там много дней, пока зуб не был готов покинуть мой рот добровольно. Марджори гонялась за мной по всему дому, пытаюсь ухватиться за вощеную нитку и заявляя, что я сама ее провоцирую. В ответ я визжала и плакала. Меня эти игры не только веселили, но и пугали. Я опасалась, что если я позволю ей вытащить хотя бы один зуб, то она не удержится от удовольствия вырвать и все остальные.

Неужели так много воды утекло с того времени, когда мы жили здесь? Мне всего двадцать три года, но на вопрос о моем возрасте я отвечаю, что мне без двух лет уже четверть века. Мне нравится наблюдать, как люди начинают мучаться с расчетами.

Сойдя с плитки, я шагаю к дому по запущенному газону с его диким разнотравьем, весной и летом разрастающимся буйным цветом. Теперь же растения смирились с приближением очередной прохладной осени. Кончики листьев и сорняков щекочут щиколотки и цепляются за кроссовки. Если бы Марджори была здесь сейчас, она наверняка рассказала бы мне о копошащихся под подгнившей растительностью червяках, паучках и мышах, которые готовятся напасть на девушку, сдуру покинувшую безопасную дорожку.

Первой в дом заходит Рэйчел. У нее, в отличие от меня, есть ключ. Я немного отстаю, соскабливаю с входной двери полосочку белой краски и кладу ее в карман джинсов. Почему бы мне не взять что-нибудь на память? Судя по ободранной двери и крыльцу, усыпанному белой пылью наподобие перхоти, таким сувениром порадовала себя далеко не я одна.

Я не осознавала, насколько сильно скучала по этому месту. Никак не могу отделаться от мысли о том, каким серым выглядит дом. Неужели он всегда был таким серым?

Я осторожно проскальзываю внутрь, чтобы не задеть готовую в любой момент заскрипеть входную дверь. Стоя на потертом паркете холла, я закрываю глаза, чтобы лучше запомнить первые мгновения моего возвращения домой после долгого отсутствия. Потолки здесь такие высокие, что мне никогда ни до чего не удавалось дотянуться. Чугунные радиаторы, попрятавшиеся по углам комнат, выжидают момента, когда смогут снова гневно выпустить пар. Прямо передо мной – столовая, рядом – кухня, где нам строго-настрога запрещено слоняться, и коридор, ведущий к задней двери; справа от меня – гостиная и другие коридоры, простирающиеся в разные стороны, как спицы на колесе; подо мной – подвал с фундаментом из известки и камня и с холодным земляным полом, который я даже сейчас ощущаю между пальцами ног. Слева от меня открывается проем с лестницей; белые балясины и перила чередуются с черными ступеньками и пролетами, как клавиши на рояле. Лестница вздымается тремя пролетами через две площадки на второй этаж. Поднимаешься по ней так: шесть ступенек наверх, площадка, поворот направо, на этот раз до следующей площадки всего пять ступенек, еще один поворот направо и шесть ступенек наверх до коридора на втором этаже. Меня всегда забавляло, что к моменту подъема на второй этаж человек совершал почти полный оборот вокруг собственной оси. При этом я неустанно жаловалась, что на среднем пролете не хватало шестой ступеньки.

Я открываю глаза. Все выглядит ветхим и заброшенным, но в некотором смысле – абсолютно таким же, как прежде. Пыль, паутина, полопавшаяся штукатурка и облупленные обои кажутся почему-то поддельными. Фальшивые признаки течения времени, бутафория для очередного пересказа истории, которая из-за столь частых повторов утратила смысл даже для тех из нас, кто ее пережил.

Рэйчел сидит на дальнем конце длинного дивана в почти пустой гостиной. Чехол от пыли защищает обивку дивана от любого, кто решится плюхнуться на него. А может быть чехол ограждает Рэйчел от контакта с заплесневевшим диваном. У нее на коленях устроилась ее шляпа – хрупкая птичка, изгнанная из гнезда.

Я наконец-то решаю ответить на ее риторический вопрос, пусть момент для ответа уже упущен.

– Да, мне тяжело. Прошу, не называй меня Мередит. Я предпочитаю, чтобы меня звали Мерри¹.

– Прости, Мерри. Может быть возвращение сюда было плохой затеей, – Рэйчел встает. Шляпа медленно опускается на пол, а Рэйчел убирает руки в карманы жакета. Мне в голову приходит мысль: не прячутся ли и у нее в карманах кусочки отвалившейся краски, обрывки обоев или другие осколки прошлого этого места? – Мы можем провести интервью в любом другом месте, где тебе будет комфортнее.

– Да нет. Все нормально. Я сама пошла на это. Просто...

– Нервы. Понимаю тебя.

– Нет. – Я произношу это слово нараспев, как моя мама. – Как раз напротив, ничего общего с нервозностью. Я поражена тем, насколько комфортно я себя ощущаю. Как ни странно это прозвучит, неожиданно приятно снова оказаться дома. Не знаю, есть ли в этом хоть какая-то логика. Да и я обычно так себя не веду. Может быть я и в самом деле нервничаю. В общем, садись, пожалуйста. Я к тебе присоединюсь.

Рэйчел садится обратно на диван и произносит:

– Мерри, я понимаю, что ты не очень хорошо меня знаешь. Обещаю, мне можно доверять. К твоей истории я отнесусь с тем уважением и пониманием, которых она заслуживает.

– Спасибо, верю тебе. Правда, – говорю я и сажусь на другой конец дивана, мягкого, как шляпка гриба. Я благодарна, что между диваном и мной есть чехол, на котором я восседаю. – Я на самом деле не уверена полностью в самой истории. Это определенно не моя тема. Сюжет не мой, и нам временами будет сложно исследовать эту терра инкогнита. – Я улыбаюсь, гордая метафорой.

– Воспринимай меня как твою спутницу в этом путешествии. – Ей улыбка, в отличие от меня, дается легко.

Я спрашиваю:

– Как ты достала его?

– Что именно, Мерри?

– Ключ от входной двери. Ты купила дом? Недурная идея, в самом деле. Конечно, у прошлого владельца не получилось заработать на экскурсиях по печально известному дому Барреттов, но это не значит, что не получится в этот раз. Это будет отличная реклама для книги. Ты или твой агент могли бы возобновить экскурсии и приправить их чтением и раздачей автографов в столовой. В холле можно организовать магазинчик, продавать пользующиеся спросом жутковатые сувениры и книги. Я могла бы помочь со сценами и трюками в комнатах на втором этаже. В качестве – как у нас там записано в договоре? – «творческого консультанта» я могла бы поработать с реквизитом и постановкой... – Я теряю нить шуток в уже порядком затянув-

¹ Игра слов: в английском языке прилагательное *merry* означает «жизнерадостный», «веселый». – *Здесь и далее прим. переводчика.*

шейся попытке сострить. Перестав наконец болтать, я поднимаю руки, складываю большие и указательные пальцы в рамку и, исполняя роль воображаемого режиссера, направляю фокус на Рэйчел на фоне дивана.

Рэйчел вежливо смеется на протяжении всей моей тирады.

– Для ясности, Мерри, мой дорогой творческий консультант: твой дом я не покупала. Я осознаю, что говорю слишком быстро, но, кажется, я не в силах замедлиться.

– Это, скорее всего, разумно. Кто знает, насколько обветшало здание. К тому же, как говорится, покупая дом, приобретаешь и чужие проблемы.

– Следуя твоей более чем обоснованной просьбе о том, чтобы нас никто не сопровождал сегодня, я договорилась с крайне доброжелательным агентом по недвижимости, он одолжил мне ключ и дал нам возможность провести в доме некоторое время.

– Мы наверняка нарушаем какие-нибудь правила жилищных органов. Впрочем, я никому не проболтаюсь, сохраню твой секрет.

– Ты умеешь хранить тайны, Мерри?

– Лучше, чем многие. – После паузы я добавляю, просто из желания сказать что-то загадочное и многозначительное: – Чаще всего это они хранят меня.

– Ты не против, если я включу запись, Мерри?

– Как? Ты не будешь делать заметки от руки? Я представляла тебя наготове с ручкой и маленьким черным блокнотом, который ты держишь на почетном месте, в кармане куртки. Блокнотик с цветными разделителями и закладками, которыми помечены страницы с результатами сбора информации, зарисовками персонажей и произвольными, но глубокими наблюдениями о любви и жизни.

– Ха! Нет, это абсолютно не в моем стиле. – Рэйчел, заметно расслабившись, наклоняется ко мне и трогает за локоть. – Поделюсь, если можно, моей собственной тайной: я не могу разобрать собственные каракули. Мне кажется, что я стала писательницей назло всем учителям и детям, которые высмеивали мой почерк.

Ее улыбка искренняя и робкая, и я чувствую, что она мне начинает все больше нравиться. Меня радует и то, что она не красит седеющие волосы, что у нее правильная, но без лишней демонстративности осанка, что она кладет левую ногу поверх правой, что ее уши не выглядят слишком большими для ее лица, и что она все еще не сделала замечание по поводу того, каким жутковатым, пустым и старым стал дом, где прошло мое детство.

Я говорю:

– Я знаю, как ты можешь отомстить всем! Мы назовем твои будущие мемуары «К черту красивый почерк!»². Мы разошлем экземпляры книги твоим смущенным учителям, уже давно вышедшим на пенсию. И каждый экземпляр, разумеется, снабдим нечитабельным автографом красными чернилами.

Рэйчел распахивает жакет, из которого достает смартфон.

Я медленно наклоняюсь и поднимаю с пола ее синюю шляпу. Вежливо смахнув с полей шляпы пыль, торжественно водружаю ее себе на голову. Она мне мала.

– Та-дам!

– Тебе она больше идет, чем мне.

– Ты правда так думаешь?

Рэйчел снова улыбается. Эту улыбку мне не удастся истолковать. Ее пальцы быстро летают по экрану телефона. Пустое пространство гостиной оглашает короткий «бип!» телефона. Неприятный звук. Холодный, окончательный, безвозвратный.

Она говорит:

² В оригинале: «С методикой Палмера покончено!». Речь идет о методике выработки красивого почерка, предложенной в XIX в. Остином Палмером.

– Давай начнем с Марджори. Какой она была до того, как все произошло?

Я снимаю ее шляпу с головы и верчу на пальце. Центробежная сила вращения либо позволит шляпе удержаться, либо отправит ее в полет на другую сторону комнаты. Я задаюсь вопросом, в каком месте этого обширного дома может очутиться шляпа.

Я произношу:

– Моя Марджори... – Пауза. Я не знаю, как объяснить ей, что моя старшая сестра так и не повзрослела за последние пятнадцать с чем-то лет, и что момента *«до того, как все произошло»* никогда не было.

Глава 2

Самая последняя девушка

Да, это всего лишь БЛОГ! (Как старомодно!) А может быть САМАЯ ПОСЛЕДНЯЯ ДЕВУШКА³ – лучший блог из всех существовавших!?!? Исследуем все, связанное с хоррором и ужасами. Книжки! Комиксы! Компьютерные игры! Телепрограммы! Фильмы! Уроки! Все, от кровавых, чернушных и аляповатых ужастиков до напыщенного и заумного артхауса. Опасайтесь спойлеров. Я БУДУ ВАС СПОЙЛЕРИТЬ!!!!

Автор: Карен Бриссетт

Понедельник, 14 ноября 20__ г.

«Одержимая». 15 лет спустя:

Эпизод 1 (Часть 1)

Знаю, в это трудно поверить, но любимое всеми (ну, по крайней мере мной) реалити-шоу «Одержимая», потерпевшее полное фиаско, вышло на телеэкраны пятнадцать лет назад. Блин, пятнадцать лет назад, представляете? Хорошее было время: слезки со стороны АНБ⁴, торренты, краудфандинг и докризисная экономика!

Нам потребуется лодка побольше⁵, чтобы разобрать все шесть эпизодов этого шоу. Нам будет о чем поговорить. Да обсуждения одного только пилотного выпуска хватило бы на целую диссертацию. Все, не могу больше ждать! Вы тоже не можете больше терпеть! *Карен, прекрати дразнить нассссссс!!!!*

Добавить голос от автора: Еще в середине 2000-х гг. замена телешоу в разгар осеннего сезона/праздничного периода означала закрытие программы. Однако после успеха «Утиной династии» и многих других так называемых «реднек-реалити-шоу» на кабельном телевидении в любой момент в сетку вещания мог неожиданно попасть сериал, который станет хитом.

(Лирическое отступление: эти «реднек-реалити-шоу»⁶ – предельно мешанская терминология! – восполнили нехватку комедий и драм о синих воротничках... вспомните «Зеленые просторы» или «Придурков из Хаззарда», нет, я тоже не смотрела.)

Discovery Channel поставил многое на «Одержимую», хотя на первый взгляд сериал не походил на типичную программу о реднеках. Место

³ *Англ.* Final girl. Персонаж-архетип, чаще всего встречается в фильмах ужасов. Обозначает героиню, которая после столкновения с антагонистами остается в живых последней и обычно не погибает к концу фильма. Среди классических примеров архетипа – Лори Струод из фильма «Хэллоуин», Нэнси Томпсон из «Кошмара на улице Вязов» и Элли Рипли из «Чужого».

⁴ Агентство национальной безопасности США.

⁵ Цитата из сцены с первым появлением акулы в кадре в «Челюстях» Стивена Спилберга.

⁶ *Англ.* Redneck. Буквально «красношее». Жаргонное обозначение в первую очередь белых фермеров, проживающих в сельской глубинке США. Название происходит от характерного красного загара, остающегося после сельскохозяйственных работ под палящим солнцем. Чаще всего имеет негативную коннотацию.

действия шоу (да, я использую слова *«место действия»*, поскольку я подхожу к этой программе как к художественному вымыслу, потому что, как и другие телевизионные *«реалити-шоу»*, это и есть художественный вымысел) – благопристойный пригород Беверли, штат Массачусетс. Обидно, что семейство Барретт не могло обосноваться в окрестном городке Салем, где, как вы знаете, в былые времена посжигали всех ведьм. Настоящим прошу и умоляю, чтобы выпустили сиквел с местом действия в Салеме, ну пожалуйста! Шучу, конечно, но разве не было бы весьма кстати, если бы события «Одержимой» происходили в городке, который печально известен пытками и убийствами «безнравственных» молодых женщин? Впрочем, я отвлеклась... Так вот, на первый взгляд в шоу нет реднеков, нет заводов, нет водоемов с каймановыми черепахами, нет простецких нравов, нет народных премудростей, нет облаченных в рабочие комбинезоны парней с окладистыми бородами. Барретты – типичная семья среднего класса, жившая в те времена, когда средний класс стремительно сокращался. Собственно, увядающая среднеклассовость этой семьи во многом и привлекала к шоу синих воротничков и опустившихся неудачников. Многие американцы думали и продолжают думать, что они принадлежат к среднему классу, даже если это не так. Им отчаянно хочется верить в средний класс и в ценности буржуазного капитализма.

Итак, перед нами семья, будто бы списанная из ситкомов 1980-х гг. (в стилистике «Семейных уз», «Кто здесь босс?», «Трудности роста») и держащая оборону от внешних сил (как реальных, так и вымышленных). Большая удача «Одержимой» в деле привлечения аудитории синих воротничков была связана с образом Джона Барретта, безработного отца сорока с чем-то лет. Финансово семья, как и многие другие, была в полном дерьме, мягко говоря. Барретт девятнадцать лет трудился на компанию-производителя игрушек *Barter Brothers*, но был уволен после того, как предприятие выкупила корпорация *Hasbro*, закрывшая фабрику, которая работала на протяжении восьмидесяти лет в Салеме (ага, снова Салем! *Куда подевались все ведьмы?*). У Джона не было высшего образования и работал он на том предприятии с девятнадцати лет, сначала – на сборочном конвейере. С течением времени он постепенно поднимался по игрушечной карьерной лестнице и в конечном счете возглавил экспедиционный отдел. За двадцатилетнюю каторгу он получил выходное пособие в размере оклада за тридцать восемь недель, которое он умудрился растянуть на полтора года. Однако Барреттам едва хватало средств, чтобы содержать двух дочерей и большой дом, оплачивать налог на недвижимость и материально обеспечивать все надежды, обещания и желания, которые предполагает образ жизни среднего класса.

Пилотный эпизод открывается пересказом невзгод Джона. Блистательный ход сценаристов/продюсеров/создателей шоу! Начать одной из множества реконструкций эпизодов одержимости было бы слишком банальным и, если уж честно, нелепым ходом. Вместо этого нам показывают зернистые черно-белые фотографии фабрики, где работал Джон, в период ее расцвета, и счастливых работников, которые мастерят игрушки из поролона и резины. Потом мы видим монтаж, где изображения сменяют друг друга с почти не воспринимаемой скоростью: политики в Вашингтоне, озлобленные митингующие движения «Захвати Уолл-стрит»,

собрания Движения чаепития, таблицы и графики с данными по безработице, хаотичные судебные заседания, возмущенные говорящие головы, люди, покидающие со слезами на глазах фабрику Barter Brothers. Уже с первой минуты сериала мы становимся свидетелями новой и уже до боли знакомой американской экономической трагедии. Шоу исключительно реалистичными средствами создает атмосферу серьезности происходящего и одновременно тревожности при первом же знакомстве с Джоном Барреттом, олицетворением нового стерилизованного постмиллениумного мужчины, живого символа развала патерналистского общества. И, Бог мой, надо отдать ему должное, играл роль символа он отлично, не так ли?

Тьфу, я не планировала открывать эту серию постов о ТОМ шоу рассуждениями о политике. Обещаю, в конечном счете я доберусь и до увлекательного и кровавого хоррора. Вам придется потерпеть меня... **ТАК ПОВЕЛЕВАЕТ КАРЕН!!!**

Если «Одержимая» желала идти по стопам огромного количества своих предшественников – архиконсервативных фильмов и хорроров об одержимости злыми духами, то она решила опереться в повествовании на поникшие плечи подавленного *главы семьи*. Посыл был вполне очевиден. Папа Барретт сидел без работы. Соответственно, семья и общество в целом находились в состоянии полномасштабного разложения. В подводке о бедной маме, Саре Барретт (непоколебимой кассирше в банке), даются только обрывочные справочные данные. Лишь позже в пилотной серии мы узнаем, что она единственная кормилица семьи, когда она вскользь упомянет о работе во время интервью-исповеди (видите, что они придумали для этого сегмента шоу????). Саре во вступлении практически отводится роль предмета реквизита. Мы видим монтаж из свадебных фотографий и фотографий дочерей, Мерри и Марджори.

На фотографиях все улыбаются и выглядят счастливыми, однако на заднем плане уже звучит зловещая музыка... (пам, пам, ПАМ!)

Глава 3

Я объясняю Рэйчел, что не было какой-то точки отсчета, «нулевой отметки» в произошедшем с Марджори и нашей семьей.

Даже если такой момент и был, я о нем не знала в возрасте восьми лет, да и нынешней мне с высоты моей почти четверти века не удавалось взглянуть на прошлое ясным взглядом. Что еще хуже – воспоминания перемешиваются у меня и с кошмарами, и с экстраполяцией, и с искаженными пересказами моих бабушек, дедушек, тетюшек и дядюшек, и с городским фольклором, и с враньем, которое распространяется в СМИ, массовой культуре и почти беспрерывном потоке контента сайтов, блогов и каналов YouTube, которые посвящены телепередаче (стоит признаться, что я читаю в онлайн гораздо больше материалов, чем стоило бы). Все это неизбежно путается с тем, что я знала тогда, и с тем, что я знаю теперь.

В некотором роде факт, что моя личная история, в буквальном и в переносном смысле терзаемая внешними силами, не принадлежит мне, вызывает не меньший ужас, чем то, что произошло в действительности. Почти.

Приведу небольшой пример прежде, чем мы перейдем к рассказу.

Когда мне было четыре года, мои родители сходили два раза на «Встречи супругов»⁷, которые проходили в выходные дни при поддержке церкви. По рассказам, полученным через вторые, третьи и даже четвертые руки, я узнала, что настоял на этом папа. Он надеялся, что программа поможет им с мамой преодолеть сложный период в браке и вернуть Бога в их отношения и жизни. К тому времени мама уже не была католичкой, да и вообще не исповедовала какую-либо религию. Она была настроена категорически против этой затеи, но все же сходила на встречи. Почему она согласилась – тема, открытая для выстраивания любых предположений. Мне или кому-то другому она так и не объяснила почему. То, что я сейчас об этом говорю, крайне смутило бы ее. Первые выходные прошли неплохо. Они жили в треугольном домешалаше, гуляли в лесу, участвовали в групповых беседах и выполняли упражнения по выстраиванию диалога. Каждая супружеская пара поочередно записывала и потом озвучивала ответы на вопросы о брачной жизни. Темы часто представлялись в контексте какой-нибудь притчи или отрывка из Библии. По всей видимости, со вторыми выходными все пошло не так гладко. Мама ушла прямо с общего собрания; поговаривают, что папа перед лицом всех собравшихся сослался на строфы «Ветхого Завета» о женах, которые должны повиноваться мужьям⁸.

Суть в чем? Есть вероятность, что бегство мамы в тот уикенд – большое преувеличение. Мои родители в самом деле прервали вторую часть программы и, в конечном счете, провели ночь в казино где-то в штате Коннектикут. Кроме того, хотя известно, что папа вновь обрел религию, когда мы были постарше, ни он, ни мы не посещали католическую или любую другую церковь многие годы до попытки проведения обряда экзорцизма. Упоминаю все это я для того, чтобы рассказ был точный и без отрыва от контекста. Плюс, вполне возможно, что папа вообще не цитировал Библию (вне зависимости от того, сколько людей верит в обратное).

В то же время я не хочу исключать вероятность того, что папа все-таки бросил маме те оскорбительные строфы. Это вполне в его духе. Все остальные детали этой истории легко представить: мама пулей вылетает из их домика, папа бежит следом, моля о прощении и принося глубочайшие извинения, а затем увозит ее в казино, чтобы загладить свою вину перед ней.

⁷ *Англ.* Marriage Encounter. Базирующаяся на религиозной вере международная программа по улучшению взаимоотношений между супругами. Создана в 1968 г.

⁸ Вероятно, подразумевается фраза из относящегося к Новому Завету «Послания к Ефессянам»: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела». В тексте скорее всего намеренно идет не совсем корректная отсылка к Ветхому Завету.

Впрочем, все это не важно. Я помню о тех «Встречах супругов» только то, что мои родители уехали куда-то далеко, пообещав скоро вернуться. В четыре года я запомнила лишь слово «далеко». Я не имела никакого представления о расстоянии и времени. Я только понимала, что они «далеко». Это слово звучало необычайно зловеще, как мораль из басен Эзопа. Я была уверена, что они покинули нас, поскольку им надоело, что я ем пасту без соуса. Добавляя масло и перец к макаронам в форме рожков (именно такую пасту я предпочитала), папа неизменно ворчал, что он не понимает, как мне может не нравиться соус. Пока они были далеко, за мной и Марджори присматривала младшая сестра папы, тетушка Эрин. С Марджори-то все было в порядке, а я была слишком перепугана и взволнована, чтобы нормально спать. Я тщательно выстраивала караулы игрушечных животных в изголовье моей кровати, пока тетушка Эрин пела мне песню за песней. Со слов самой Эрин, не имело значение, что именно она пела, главное – чтобы это было что-то, что я слышала по радио.

Ладно, я обещаю не снабжать мой рассказ дальнейшими примечаниями с указаниями на все источники информации (как противоречивой, так и иной). В этом вступлении я просто хочу показать, как это все запутанно и как все может усложниться дальше.

Откровенно говоря, если абстрагироваться от влияния всех внешних факторов, я помню несколько вещей в самых мельчайших подробностях, столь ужасающих, что я боюсь затеряться в лабиринте воспоминаний. Есть моменты неясные и непонятные для меня. Будто бы я пытаюсь разобраться в чужих мыслях. Боюсь, в моей голове хронология и события запутались и исказились.

Итак, все же давайте начнем снова, просто держа все это в уме.

Я хочу сказать этой не особо связной преамбулой, что я силюсь найти подходящее место для начала рассказа.

Впрочем, начало уже положено, не так ли?

Глава 4

Посреди спальни у меня стоял картонный домик для игр. Он был белый, с черными полосками, которые обозначали шиферную крышу, и с нарядными лотками для цветов под окошками со ставнями. Наверху была приземистая кирпичная труба, явно маловатая для Санты. Впрочем, к тому времени я уже не верила в Санту, лишь притворяясь, что все еще верю, чтобы угодить другим людям.

По идее, мне нужно было раскрасить белую основу моего картонного домика, но я этого не сделала. Мне как раз нравилось, что домик стоит весь белый под лазурным небосводом голубых стен моей комнаты. Фасад так и оставался нераскрашенным, зато внутри у меня было уютное гнездышко: все пространство усыпано одеялами и мягкими игрушками, а стены увешаны рисунками, изображавшими меня и родных в различных сценах и образах (Марджори чаще всего представляла как воинственную принцессу).

Я сидела с книгой на коленях внутри моего картонного домика за плотно закрытыми окнами и дверкой. В руке я сжимала маленький складной фонарик для чтения.

Свинки с их несуразными пикниками меня никогда особо не волновали. Восторга у меня не вызывали и нелепые бананомобили, огурцы-машины и хот-доги на колесах. Лихач за рулем Пес Динго и бесконечно преследующая его офицер полиции Флосси порядком раздражали меня. Мои глаза вечно пытались найти этого пройдоху, Золотого Жучка, хотя к тому моменту я уже давным-давно нашла и запомнила все места, где он был: за рулем желтого бульдозера на обложке, потом в самой книжке – сзади, в грузовике козлика Микеля Анджело, и на водительском месте красного Volkswagen Beetle, который рассекал воздух на буксире грузовика-тягача. Чаще всего все, что было видно, – лишь пара желтеньких глаз, вззирающих на меня из окна машины. Папа рассказывал, что когда я была совсем маленькой, я доводила себя до иступления, если у меня не получалось найти Золотого Жучка. Я ему верила, хотя мне было непонятно, что значит «дойти до иступления».

Мне было восемь лет – уже слишком взрослая, чтобы зачитываться книжкой «Машины, грузовики и все, что ездит» Ричарда Скарри⁹, о чем мне постоянно напоминали родители. Самые большие тревоги семьи Барретт прежде, до событий с Марджори, были связаны с тем, что я читала или не читала. Родители беспокоились, что, несмотря на заверения нашего врача, мой левый глаз не укреплялся и не успевал за соседом в глазнице справа. Они предполагали, что именно из-за этого в школе я училась так себе и не проявляла интереса к книгам, которые больше подходили мне по возрасту. Читала я как раз хорошо, но интересовали меня больше всего истории, которые мы с сестрой придумывали сами. Маму и папу я успокаивала, расхаживая повсюду с состоящими из детских рассказов «хрестоматиями», как называла их учительница нашего второго класса миссис Халбиг. Я изображала, что читаю и книги для ребят постарше. Чаще всего я носила с собой что-нибудь из тех нескончаемых серий слащавых приключенческих книг, где все повороты простоватых сюжетов раскрывались уже в названии и где повествование обычно было завязано на некоей волшебной твари. Мне не составляло труда ответить на вопрос мамы, *о чем эта книжка*.

Так что я не читала и не перечитывала вечно одни «Машины, грузовики и все, что ездит». Поиски Золотого Жучка в тишине моего уединения были ритуалом, которым мы с Марджори предваряли добавление новой истории в книгу. Прямо на страницах книги мы уже вписали десятки сюжетов, которые затрагивали почти всех эпизодических персонажей, населявших мир Ричарда Скарри. Конечно же, все истории я не помню, однако была история о кошке,

⁹ Упомянувшиеся ранее транспортные средства и связанные с ними персонажи – как раз из этой книги, которая была опубликована на русском языке под названием «Книжка про машинки» (Карьера Пресс, 2017 г.).

чья машина застряла в луже патоки. Коричневая масса пролилась из автоцистерны, для удобства снабженной надписью черными буквами «Патока». На кошкиной мордочке я пририсовала массивные очки в черной оправе. Точно такие, какие я носила сама. Эти же очки появлялись у всех персонажей, для которых мы писали истории. В пустое место вокруг кота и автоцистерны с патокой я вписала своим мелким аккуратным почерком (но жутко безграмотно) следующий сюжет: «Кошка Мерри опаздывала на работу на обувную фабрику, и тут бац – умудрилась застрять в вязкой патоке. Она так разозлилась, что у нее с головы слетела шляпа! Она простояла в патоке не один день и не одну ночь. Она так и стояла посреди дороги день за днем, пока ей на помощь не пришли множество дружелюбных муравьев, которые съели всю патоку. Кошка Мерри была в восторге и пригласила муравьев к себе домой, где она построила для них огромную муравьиную ферму, чтобы они остались жить с ней. Кошка Мерри постоянно с ними разговаривала, придумывала им имена, начинающиеся на букву *M*, и всегда давала им их самую любимую еду. Патоку!».

Истории в моей книжке Скарри были короткие и фантастичные со странно счастливыми или вселяющими надежду концовками. Сюжеты в основном придумывала Марджори, которая, естественно, всех персонажей-животных называла моим именем.

Обнаружив Золотого Жучка на последней картинке, я пулей выскочила из моего картонного домика. С книгой в руках я выбежала из спальни и понеслась по длинному коридору в сторону комнаты Марджори. Я специально бежала босиком и сильно топала ногами по паркету, чтобы она услышала, как я приближаюсь. Не предупредить ее о моем наступлении было бы нечестно.

Той осенью у нас дома был введен абсолютно новый режим приватности. Марджори стала закрывать дверь в свою спальню, что следовало понимать как «Мерри, держись подальше, а то я за себя не ручаюсь!». Дверь обычно была заперта, когда она делала домашку, и по утрам, когда она собиралась в школу. Марджори было четырнадцать лет. Она училась уже в 9-м классе школы¹⁰. Новоиспеченная старшеклассница теперь утром тратила гораздо больше времени на сборы, чем в только недавно закончившемся детстве. Она оккупировала ванную комнату на втором этаже и потом уединялась в своей комнате вплоть до того момента, пока ожидающая ее в холле мама не начинала орать, что мы опоздаем в школу или на некую встречу по милости Марджори, которая ведет себя слишком высокомерно и «хватит уже прятаться в своей раковине». Я неизменно хихикала, когда слышала последнее, потому что мама выдавала всю эту тираду настолько быстро, что слова превращались в сплошной поток образов. Я каждый раз разочаровывалась, когда самая что ни на есть обычная Марджори, не спрятанная за створками морской ракушки, стремительно сбегала вниз по лестнице.

Был ленивый субботний день, так что я не ожидала, что дверь в ее спальню будет закрыта. Как и любая младшая сестра, я максимально уважала желание Марджори не держать дверь в комнату открытой, но Марджори определенно должна была услышать, как я несусь по коридору.

Слегка запыхавшись после бега, я остановилась перед большой дверью в спальню Марджори. Это была единственная дверь в нашем старом доме, которую мы не меняли. Дверь из массива дуба, выкрашенная в тон с полом в темный цвет, была той же толщины, что и стена, и могла спокойно выдержать натиск и полчищ варваров, и таранов, и маленьких сестричек. Дверь в спальню Марджори сильно отличалась от моей дверки-дешевки из пиломатериалов, которую с разрешения родителей я могла украшать и осквернять на свое усмотрение.

Ну и что с того, что это дуб? Так как это была суббота, я имела полное право в рамках четко обозначенных нами в ходе долгих дискуссий договоренностей постучаться в дверь к

¹⁰ В американской системе образования старшие классы средней школы – с 9-го по 12-й.

Марджори. Я так и сделала. Поднеся сложенную в рупор руку ко рту, я прокричала в замочную скважину:

– Читать пора! Ты мне обещала вчера!

До меня донесся ее пронзительный смех. Она, казалось, была в восторге, что ей что-то сойдет с рук.

– Что тут смешного? – Я грозно нахмурилась. Все внутри меня как-то неприятно сжалось. Дверь, видимо, была забаррикадирована, потому что она решила подшутить надо мной, писать со мной новый сюжет она явно не собиралась. Я снова выкрикнула: – Ты же обещала!

Марджори наконец ответила своим обычным голосом, от которого уже не было того впечатления, как от смеха, звучавшего, будто бы она надышалась гелием.

– Ладно, ладно. Проходите, мисс Мерри.

Я позволила себе небольшой победоносный танец, который я подсмотрела у Губки Боба. «Ура! Ух!». Я прижала книгу подбородком и удерживала ее у груди локтями, поскольку уронить ценный груз на пол я не хотела (плохая примета для книг). Для поворота дверной ручки мне нужны были обе руки. Потребовалось более одного удара плечом в неподатливую дверь и, наконец, под звуки моего собственного кряхтения я все же пробилась внутрь спальни.

Поскольку я была убеждена, что буду такой же, как Марджори, когда вырасту, посещение ее комнаты казалось мне взглядом в мое собственное будущее, которое походило на живую карту с постоянно меняющимися очертаниями. Марджори все время переставляла местами кровать, комод, письменный стол, разнообразные книжные шкафы и ящики из-под молочных бутылок, которые служили хранилищами новейших атрибутов ее жизни. Она также меняла местами постеры, календарь и украшения в виде небесных тел на стенах. Следуя примеру сестры, я каждый раз устраивала перестановку и в моем картонном домике. Правда, ей я об этом никогда не рассказывала.

В ту субботу кровать в комнате Марджори была задвинута до самого упора в дальний угол, прямо под единственное окошко в комнате, где вместо занавесок уже висела простая тонкая кружевная завеса белого цвета. Наложённые друг на друга постеры неаккуратно висели в произвольном порядке на стене напротив ее кровати. Все остальные стены были голые. Ее комод и зеркало были сдвинуты в другой угол, а книжные шкафы, прикроватная тумбочка и ящики из-под бутылок с молоком расставлены по оставшимся углам так, что середина комнаты оставалась полностью свободной от вещей. На чертеже обстановка комнаты была бы похожа на букву «Х», но без крестика по центру.

Я медленно вошла в комнату на цыпочках, чтобы не задеть ненароком какую-нибудь невидимую мину замедленного действия и вызвать гнев Марджори, перемены настроения которой было все сложнее предугадывать. Любая предполагаемая провинность с моей стороны могла привести к ссоре, которая заканчивалась или слезами и моим бегством в картонный домик, или грубоватыми попытками папы выступить посредником между мной и сестрой. Папины увещевания обычно сводились к тому, что он орал громче и дольше нас обеих (в этом ему равных не было). Я остановилась посередине комнаты, ровно по центру «Х». Мое сердце гроыхало, как попавшая в сушилку монетка. Но я получала несказанное удовольствие от каждой секунды происходящего.

Марджори сидела, скрестив ноги, на кровати, спиной к окну. Пробивавшийся снаружи сероватый свет оттенял ее силуэт. На ней была белая футболка и новенькие треники, которые она получила от своей футбольной команды. Треники были оранжевого цвета, напоминая о Хэллоуине. Сбоку на одной из штанин была черная трафаретная надпись «*Пантеры*». Темно-каштановые волосы Марджори убрала в тугий хвостик.

На коленях у нее лежала большая книга. Под словом «большая» я имею в виду не толстая, как словарь, а широкая: разворот книги полностью закрывал ее скрещенные ноги. Длинные и крупные страницы книги были красочно оформлены. По формату каждая страница книги

была примерно того же размера, что и книжка Скарри, которую я все еще держала у груди, будто бы отгораживаясь щитом.

Я сказала:

– Откуда она у тебя?

Вопрос был явно лишним. Очевидно, что у Марджори в руках детская книжка, значит, – это одна из моих книжек.

Марджори верно уловила судорожные мысли, витавшие у меня в голове, и начала тараторить со скоростью четыреста слов в минуту.

– Только прошу тебя, Мерри, не злись на меня, умоляю. Мне просто пришла в голову замечательная история, и я поняла, что для нее не хватит места в твоей книжке. У нас же уже там есть история про патоку, помнишь? Извини, уже раскрыла часть сюжета. Да, это еще одна история о патоке, но она *абсолютно* другая, Мерри, скоро сама убедишься в этом. Да к тому же книжка Скарри уже скорее всего заполнена до конца, и нам пора взяться за другую книгу. Поэтому я сходила к тебе в комнату. И знаешь, Мерри, я нашла идеальную книгу! Я понимаю, что неправильно было заходить к тебе в комнату без спроса, особенно когда я знаю, что рассердилась бы на тебя, если бы ты так пришла ко мне. Прости-прости, малышка Мерри, но ты только посмотри, что я написала и нарисовала.

Лицо Марджори было сплошной улыбкой с белоснежными зубами и широко открытыми глазами.

– Когда ты заходила ко мне в комнату? – Мне совершенно не хотелось ругаться, но мне нужно было понять, как она умудрилась пробраться в мою спальню. Я постоянно отслеживала, в какой части дома находилась Марджори, и когда ее дверь была заперта, я всегда направляла одно ухо как локатор в сторону ее комнаты, ожидая, когда дверь снова откроется со скрипом.

– Я прокралась, пока ты играла у себя в домике.

– Нет, этого не может быть. Я бы услышала.

Ее улыбка резко сменилась ухмылкой.

– Мерри. Это было поразительно просто.

Я охнула с тогда свойственной мне актерской наигранностью, уронила книгу и собрала руки в кулачки.

– Неправда!

– Я услышала, как ты говоришь сама с собой и игрушками, и тихонько вошла на цыпочках. Конечно же, пришлось сдерживать дыхание, чтобы не выдать себя. Я порыскала у тебя среди книжек, а потом я даже заглянула через трубу к тебе в домик, где ты все еще разговаривала сама с собой. Я была эдакая великанша, которая подумывает о том, не раздавить ли крестьянский домик. Но я оказалась доброй великаншей. Prrrrrr!

Марджори прыгнула с кровати и стала со стуком шагать по комнате.

– Фи-фай-фо-ферри, чую вонючие ножки девочки Мерри.

Я крикнула в ответ:

– Это у тебя вонючие ноги! – Я захохотала, сама разразилась потрясающим рыком и стала носиться вокруг нее, уклоняясь от ее слишком медлительных «великанских» рук, тыча в бока сестры пальцами и шлепая ее по попе. Наконец, она подхватила меня на руки и повалилась на кровать. Я успела залезть к ней на спину и обхватить ее шею.

Марджори потянулась за мной, но не смогла меня успокоить.

– Ты слишком сильно дергаешься! Ладно, хватит, Мерри. Пора заняться нашей историей.

Я выкрикнула «Йей!», хотя у меня и было чувство, что меня переиграли. Марджори легко отделалась, хотя она умудрилась пробраться ко мне в комнату, выкрасть книжку и, что хуже всего, подслушать мой разговор с собой.

Марджори подтянула к себе на колени книгу. Она называлась «Вокруг света». На каждой странице была представлена оживленная рисованная сцена настоящего города или страны. Об

этой книге я не думала уже давно, что уж говорить о чтении. Она никогда не была среди моих любимых.

Я ухватилась за книгу, но Марджори резко оттолкнула мои руки.

– До того, как ты согласишься на мои художества, тебе нужно послушать историю.

– Хорошо. Рассказывай! – Я была почти вне себя от возбуждения.

– Помнишь, когда мы посещали этим летом океанариум и Норт-Энд в Бостоне¹¹?

Конечно же я помнила: сначала мы побывали в океанариуме, где Марджори и я, прижавшись лицами к стеклу трехэтажного резервуара в форме трубы, выжидали, пока мимо нас не проплывет одна из местных крючкозубых серых акул. Позже хмурая я болталась с поникшими руками (как щупальца у медузы) по сувенирному магазину после того, как мама и папа отказались купить мне резинового осьминога. Потом мы прогулялись до Норт-Энда и поужинали в каком-то модном ресторане с черными скатертями и белыми льняными салфетками. По дороге к крытой парковке мы наткнулись на кондитерскую, которая считалась лучшей в Бостоне. Мама заказала нам канноли¹², но я отказалась их есть, заявив, что они похожи на раздавленных гусениц.

Марджори начала:

– Итак, эта история произошла где-то сто лет назад в Норт-Энде. В те стародавние времена всю патоку хранили в огромных металлических цистернах высотой метров пятнадцать и шириной метров двадцать пять с лишним – гигантских, как целые здания. Патоку завозили поездами, а не грузовиками, как у тебя в книжке. – Марджори сделала паузу, чтобы удостовериться, что я слушаю ее. Я внимала ей, хотя мне и хотелось узнать, зачем людям было нужно так много патоки, которую я раньше видела только на страницах книги Скарри. Но я ничего не спросила. – Была середина зимы. Больше недели до начала истории стояли жуткие морозы. Было так холодно, что когда люди выдыхали, то пар в виде облачков сразу же замерзал прямо в воздухе, падая и разбиваясь на кусочки о землю.

– Круто. – Я изобразила, будто бы выдыхаю такое же обледеневшее облачко изо рта.

– Но после этого долгого мороза в Бостоне наступил один из тех странных зимних дней, когда неожиданно становится очень тепло. Жители Норт-Энда поговаривали: «Какой же замечательный день!» и «Не правда ли, самый прекрасный день в жизни?». Было так тепло и солнечно, что многие люди, оставив пальто, шляпы и перчатки дома, высыпали на улицу, и в их числе – десятилетняя Мария ди Стасио, которая вышла в любимом свитере, том самом, с дырочками на локтях. Она играла в классики. Ее братья подтрунивали над ней, но не делали ничего сверх обычной для них жестокости, поэтому она не обращала на них внимания.

Вдруг до всех в городе донесся какой-то рокот; никто не понимал, что происходит. Тем временем из цистерны с патокой выстрелили заклепки, металлические листы сложились, как листы оберточной бумаги, и сладкая липкая патока потекла во все стороны. Огромная волна покатила по Норт-Энду.

– Ого. – Я нервно хихикнула. От образа огромной паточной волны захватывало дух. Но в этой истории было как-то слишком много странностей. Марджори говорила о конкретном времени и месте, а вместо смешных зверушек из книжки Скарри основными персонажами стали люди, которые не были названы в мою честь. К тому же история как-то слишком затянулась, и мне ни за что не удалось бы все это записать в книжке. Куда можно было бы вместить всю эту историю?

– Волна поднялась на высоту четыре с половиной метра и сокрушала всех и вся на своем пути. Она погнула стальные балки на Атлантик-авеню, переворачивала вагончики на железной дороге, вырывала здания из фундамента. Патоки на улицах было по пояс. Подхваченные вол-

¹¹ Район Бостона, также известный под названием Маленькая Италия.

¹² Сицилийский десерт в виде вафельной хрустящей трубочки с кремовой начинкой, часто из сыра рикотта.

ной лошади и люди тщетно пытались высвободиться из потока, но чем больше они сопротивлялись ему, тем сильнее застревали.

– Подожди секунду... – Я прервала ее. Что же происходило с этой историей? Обычно я могла вставить немного от себя в сюжет. Я высказывала свое неудовольствие или качала головой, и Марджори возвращалась к прошлому эпизоду, меняя историю, пока она не приходилась мне по вкусу. В этот же раз, вместо того, чтобы попросить ее начать с начала, я спросила: – А что случилось с Марией и ее братьями?

Марджори перешла на шепот:

– Когда цистерна взорвалась, братья Марии убежали в поисках безопасного места. Она тоже пыталась унести ноги, но бежала слишком медленно и обогнать поток не могла. Первой ее настигла тень волны, взобравшаяся по задней части ее ног и вверх по ее любимому свитеру к голове. Патока закрыла собой солнце, и самый прекрасный день сменила тьма. А потом Марию догнала и сокрушила и сама волна.

– Что? Она умерла? Зачем ты это говоришь? Какая ужасная история! – Я спрыгнула с кровати и засемила, чтобы подобрать валявшуюся на полу книжку Скарри.

– Знаю. – По голосу Марджори можно было бы подумать, что она соглашается со мной, но ее рот снова растянулся в улыбку, а глаза сияли. Она выглядела гордой собой, будто бы только что рассказала самую лучшую из всех историй.

Я снова плюхнулась на кровать, усевшись напротив Марджори.

– Как ты могла придумать что-то подобное?

– Я ничего не придумывала. Это реальная история. Она на самом деле произошла. Мария и еще двадцать человек действительно погибли под волной патоки в Бостоне.

– Это выдумка, такого не было.

– Нет, это было.

– Не было!

– А вот и было.

После еще двух заходов спора в том же духе я все-таки уступила.

– Хорошо. Кто тебе об этом рассказал?

– Никто.

– Тогда ты узнала об этом из Интернета? Ты же понимаешь, не все, что пишут в Интернете, правда. Моя учительница говорит...

– Ты сама можешь посмотреть про затопление патокой в Интернете, я уже проверяла, там есть вся информация. Ну, по крайней мере, по большей части. Но узнала я об этом не из Сети.

– Тогда где?

Она пожала плечами, потом захихикала, перестала и снова пожала плечами.

– Не знаю. Проснувшись вчера, я просто знала об этой истории, будто она всегда была у меня в голове. Мне кажется, так бывает со всеми сюжетами. Даже из реальной жизни. Я понимаю, это неприятная, ужасная, нехорошая история, но я... Я не могу не думать о ней, понимаешь? Я представляю себе, как это ощущалось тогда, каково было бы мне на месте Марии, видеть, вдыхать, слышать и чувствовать то же, что и она в ту секунду, когда над ней нависла волна. Прости, не получается это объяснить. Я просто хотела рассказать тебе об этом, Мерри, поделиться с тобой историей. Понимаешь? – Она добавила в голос металла, который звучал всякий раз, когда она сидела над домашним заданием или кричала мне, чтобы я отстала от нее. – Ты можешь принять это, мисс Мерри?

– Наверно. – Я не верила ей и не понимала, почему она так силилась убедить меня, что об этой истории она узнала не из Интернета. Мне уже было восемь лет, и я больше не была наивной девчушкой. Когда я была совсем маленькой, Марджори рассказывала мне, что все вещи в ее комнате менялись местами сами по себе ночью, пока она спала. Причем она сообщала мне об этом с такой серьезностью, изображая досаду и потрясение, что я переживала вместе с ней ту

же досаду и потрясение. Мои эмоции разрастались до почти критических значений, но как раз в тот момент, когда грозили политься слезы, Марджори умела остановить меня одной фразой: «Да ладно тебе, шучу я, шучу. Не переживай, Мерри-мартышка». Мне не нравилось, когда она называла меня «Мерри-мартышка».

– Посмотри, что я нарисовала. – Марджори придвинулась к месту, где я сидела, раскрыла «Вокруг света» и положила книгу нам обоим на колени. На страницах был изображен Амстердам, но она хорошенько потрудила и переписала буквы названия, чтобы превратить подпись «Амстердам» в некое подобие «Бостона». Она нарисовала гигантскую цистерну, спереди у нее зияла ужасающая дыра с зубринами, из которой на город изливались струи накаляканный коричневым фломастером патоки. Марджори также изобразила облаченных в спортивные курточки и при галстуках кошек и собак в стиле Ричарда Скарри. Завязшие в патоке животные барахтались, пытаясь спастись. Волна патоки нависла над обреченным поездом, его пассажиры, тоже переделанные в кошек и собак, вопили от ужаса.

Мне хотелось ударить Марджори, двинуть по ее тупому улыбающемуся лицу. Она издевалась надо мной, над моей глупенькой книжкой с ее нелепыми историями. И все же я не могла отвести глаз от страницы. Это было жуткое зрелище, которое сулило мне кошмары, но в этом безумии было что-то завораживающее.

Марджори сказала:

– Смотри. Вон Золотой Жук. – Она указала на желтенькую фигурку с перечеркнутыми глазками и протянутыми в поисках помощи тоненькими как пруттики ручками, которые вздымались над паточным потоком. Он одновременно звал ко всем и ни к кому конкретно.

Я молча захлопнула книгу. Марджори водрузила книгу ко мне на колени и потрепала меня по спине.

– Прости. Может быть, мне не стоило рассказывать тебе эту историю.

Я поспешно, возможно, даже слишком быстро, ответила:

– Нет. Ты можешь со мной говорить обо всем. Рассказывай мне истории. Но можно ли завтра историю, как раньше? Придуманную тобой?

– Да, Мерри. Обещаю.

Я медленно сползла с постели, намеренно стараясь не смотреть в сторону Марджори и глядя на скопление постеров на стене. Сначала, когда я вошла в комнату, я не заметила, что постеры теперь висят на стене внахлест. Виднелись только отдельные фрагменты собранной плеяды певцов, спортсменов и звезд кино. Разрозненные руки, ноги, волосы, пара глаз. Посреди этого коллажа из частей тел, будто бы на самом видном месте, выделялся рот, то ли в улыбке, то ли в злобной гримасе.

– Эй, как тебе мои постеры?

С меня всего этого было довольно. У меня в руках были обе книги, они были невыносимо тяжелыми.

– Так себе, – сказала я, надеясь, что мои слова ее хоть немного заденут.

– Не рассказывай маме и папе, они взбесятся. Но когда я проснулась, клянусь, в моей комнате все было именно так. Если посмотреть на постеры в зеркале...

– Заткнись! Несмешно! – Я выбежала из комнаты. Я не хотела, чтобы она увидела мои слезы.

Глава 5

Мои игрушечные зверушки, расставленные по стратегическим позициям в моей спальне, должны были выполнять роль часовых. Я развернула картонный домик так, чтобы щель для почты глядела на дверь. Оставшуюся часть тех выходных я провела в домике, выглядывая сквозь щелку в полной уверенности, что Марджори придет, чтобы либо извиниться, либо доказать умение пробираться сюда, когда ей заблагорассудится снова выкрасть у меня книжки, либо сделать что-то похуже, например, забраться ко мне в домик и развесить мои рисунки в виде кошмарного коллажа, который получился из ее постеров. Мне всегда удавалось придумать самые различные «что-то похуже».

С каждой утекающей минутой ее непоявления в моей комнате я ощущала все большее параноидальное отчаяние и все больше уверялась в мысли, что она вот-вот придет. Тогда я решила подготовить ловушку, чтобы застать Марджори врасплох и поймать ее с поличным. По крайней мере, у нее точно были бы проблемы с мамой и папой, ведь она натягивала подростковую мрачную мину каждый раз, завидев меня на подступах к ее комнате. Я сняла пояс со своего махрового фиолетового халата, который я вообще не носила, и привязала его концы к столбику кровати и ручке двери. Пояс натягивался ровно настолько, чтобы через дверь мог свободно протиснуться только человек моей комплекции. Я также поставила поверх приоткрытой двери пустую пластиковую упаковку из-под апельсинового сока так, чтобы та опиралась на дверную раму. Если дверь открывалась больше, чем позволял пояс моего халата, то бутылка должна была сразу же свалиться на пол (а в идеале – на голову открывающего дверь). Марджори никак теперь не могла проникнуть ко мне, не застряв в двери или не устроив гвалт, который я обязательно бы услышала.

Я все же не ощущала себя в полной безопасности, поэтому я еще сконструировала камеры с детекторами движения и ноутбук из коробок от хлопьев к завтраку. Утро воскресенья я провела за проверкой данных по некоей мисс Марджори Барретт. Много всего узнала, скажу я вам.

Хотя Марджори и пообещала рассказать мне настоящую придуманную ей самой историю на следующий день, я намеревалась заставить ее ждать меня на этот раз. Пусть она придет за мной. Поэтому я осталась у себя в комнате и покидала ее только для того, чтобы поесть и сбежать в туалет.

Неудовлетворенная уже сделанной работой, я выстроила башню из книг, в фундамент которой легли «Вокруг света» и «Машины, грузовики и все, что ездит». Было невозможно вынуть ни одну из книг, чтобы не обрушилась вся конструкция. Я сама дважды попробовала вытащить их, и в результате заработала синяк от свалившихся на меня при обрушении башни книжек.

Когда я проснулась в понедельник утром, Марджори уже была в душе, а мои родители бродили по дому, спотыкаясь и бормоча проклятия. Я медленно села в кровати. У меня с груди слетела свернутая бумажка.

Закутавшись в покрывало, я проверила все мои средства обороны. Пояс от халата так и висел, нетронутый, и пустая упаковка из-под апельсинового сока была на месте. Мои игрушечные звери стояли на посту. От меня они получили нагоняй за то, что заснули и умудрились позабыть о службе. Я проверила камеры и компьютер. Ничего. Башня из книг осталась целой и невредимой, однако «Вокруг света» пропала. Ее украли. Вместо нее в основании башни лежала книга «Где тебе предстоит побывать» доктора Сьюза. Она что, просто выдернула книгу, заменив ее другой, умудрившись не уронить башню? Или она терпеливо разобрала башню по частям, взяла нужную книжку и снова собрала конструкцию? Неужели я сама забыла вернуть книгу на место во время моих собственных проверок башни на устойчивость? В любом случае, книги «Вокруг света» просто не было у меня в комнате.

Я ринулась в мой картонный домик и раскрыла свернутую записочку, которую она оставила у меня на груди. Это определенно было письмо от Марджори, а не от мамы или папы, хотя папа и любил попроказничать, когда он был в настроении.

Текст был написан зеленым карандашом.

Мерри-мартышка, я прокрадываюсь к тебе в комнату, когда ты спишь. Это продолжается уже неделями, с конца лета. Ты такая миленькая во сне. Прошлой ночью зажала тебе нос, пока твой ротик, наконец, не открылся, чтобы вдохнуть. Этой ночью – твоя очередь. Прокрадись ко мне в спальню в то время, когда ты должна уже быть в постели. У меня для тебя будет заготовлена новая история. С картинками и всем прочим. Будет весело! Прошу, не злись на меня и просто сделай это.

хохо

Марджори

Глава 6

Ужинали мы всегда на кухне, а не в столовой. Насколько я могла судить, наш обеденный стол был предназначен не для обедов, а для чистого свернутого белья, которое мы, по идее, должны были потом уносить наверх и аккуратно раскладывать по комнатам, но мы никогда так не делали. Груды одежды были уложены в неустойчивые стопки, которые разрастались до головокружительных высот и превращались в печальные кучки опавших носок и нижнего белья после того, как мы вытягивали из них то, что хотели надеть.

Мама приготовила спагетти и громко вздыхала в сторону моего отца, который все еще сидел за компьютером в гостиной. Все мы прислушивались к предательскому постукиванию клавиш по клавиатуре. Ужин был готов уже минут пять назад. Марджори и я сидели перед полными тарелками свежесваренной пасты, от которых шел пар. Ее спагетти были политы томатным соусом, мои были приправлены растопленным маслом, перцем и запорошены тертым сыром. Мама говорила, что мы не можем есть, пока «он не осчастливит нас своим присутствием». Предполагалось, что запрет для нас приступить к трапезе послужит наказанием ему.

Я схватилась за живот и, покачиваясь на стуле, объявила:

– Я умру, если не поем! Папа, ну, сколько можно!

Затерянная в складках толстовки Марджори сидела вся ссутулившаяся и неряшливая. Она прошептала мне:

– Помолчи, мартышка.

Сказала она это, по всей видимости, достаточно тихо, чтобы услышала ее только я. Во всяком случае, мама, стоявшая прямо за нами, не цыкнула на Марджори.

Папа на цыпочках прошел в кухню и уселся за стол. Меня всегда поражало, как он, такой крупный мужчина, мог передвигаться столь тихо и грациозно.

– Извините. Нужно было проверить пару сообщений. Мне пока еще не ответили из всех мест, откуда я ждал ответа.

Папа потерял работу уже более полутора лет назад. Сразу же после окончания средней школы он начал работать в Barter Brothers, базирующейся в Новой Англии¹³ компании по производству игрушек. После девятнадцати лет каторжной работы он возглавил экспедиционный отдел. Дела у Barter Brothers шли неважно не один год, и папа пережил несколько сокращений штата, однако от продажи фабрики его ничто не могло уберечь: его отправили восвояси. Другую работу он еще не нашел.

Мама заметила:

– Уверена, что все можно было бы сделать и после ужина.

Тем вечером она была особенно беспокойной. Скорее всего, все началось в тот момент, когда они с Марджори вернулись домой. Они куда-то ездили, не знаю уж куда. Не успела захлопнуться входная дверь, а Марджори уже была наверху у себя в комнате. Мама швырнула ключи на кухонный стол и вышла на задний двор покурить. Она выкурила три сигареты. Да-да, я считала. Три сигареты были сигналом: что-то не так.

Наш круглый кухонный стол был светло-коричневого оттенка, который никогда не слыл модным. Ножки у него ходили ходуном, как у старой собаки. Когда папа начал отбивать барабанную дробь руками по столу, тарелки и стаканы запрыгали и застучали друг о друга.

Он сказал:

– Почему бы нам сегодня не произнести слова благодарения перед едой?

Это было что-то новенькое. Я посмотрела на маму. Она закатила глаза, придвинула стул поближе к столу и отломилла большой кусок чесночного хлеба.

¹³ Регион на северо-востоке США, включающий в себя несколько штатов, в том числе Массачусетс.

Марджори сказала:

– Пап, ты что серьезно? Благодарение?

Я спросила:

– Что значит благодарение?

Мама сказала:

– Давай, объясняй.

Папа улыбнулся и пригладил темную жесткую бороду.

– А ты не помнишь? Неужели так давно не произносили благодарение?

Я пожала плечами.

– В моей семье мы всегда читали благодарение. Это значит, что, собравшись за обеденным столом, мы в нескольких словах благодарим Бога за еду и за тех, кто нас окружает в жизни. Это вид молитвы.

Марджори не удержалась от смешка и глубоко ввинтила вилку в свою кучку красных спагетти.

– Папа, это же не обеденный, а кухонный стол, – заметила я, гордая тем, что мне удалось найти лазейку для того, чтобы увильнуть от этой затеи. У меня отлично получалось находить бреши в логике.

Мама сказала:

– Почему тебя потянуло на это именно сейчас?

Папа поднял руки вверх в знак поражения и пробормотал неуверенное объяснение.

– Просто так. Подумалось, что это будет мило. Хорошее занятие для семьи во время ужина.

Мама ответила:

– Прекрасно. – По ее тону было понятно, что все далеко не прекрасно. – Просто заводить новую традицию за ужином – серьезное дело. Можем обсудить позже.

Я заявила:

– Да, можно устроить семейный совет по поводу благодарения. – По идее мы должны были обсуждать всей семьей большие решения и важные дела, но обычно такие советы устраивались из-за печальных новостей, например, когда дедушка умер, и когда собаку Максин пришлось усыпить. Семейные собрания проводились и по случаю раздачи новых поручений по дому Марджори и мне. На таких собраниях царила показушная демократия. Марджори и мне была уготована честь выбрать задания себе по вкусу из списка, в котором никогда не значилось ничего такого, что бы мы на самом деле хотели делать: например, сидеть на диване, смотреть телевизор, читать книги, придумывать истории. Из заседаний семейного совета никогда не выходило ничего путного.

Папа прокомментировал:

– Великолепное предложение, мисс Мерри. – Он громко всосал макаронину подлиннее, чтобы повеселить меня.

– Мне кажется, что это плохая идея. – Марджори умудрилась спрятать большую часть лица за распушенными волосами и широкими рукавами.

– Тебе никогда не нравятся мои идеи! – парировала я, готовая к бою. Я похлопала себя по ноге, чтобы удостовериться, что послание с признанием Марджори по-прежнему в переднем кармане моих джинсов. Я еще не воспользовалась картонным ноутбуком для анализа письма, но это не имело значения. У меня было письменное доказательство того, что Марджори пробиравалась ко мне в комнату и выкрадывала оттуда вещи. Я была готова пустить его в ход в любой момент, если Марджори продолжит злобствовать.

Мама сказала:

– Успокойся, Мерри, речь не о тебе.

– А что, собственно, плохого в этом, Марджори? Объясни, пожалуйста, – произнес папа. Мы понимали, что он не сердится, поскольку он всеми силами старался показать, что не злится.

– Все плохо.

Мама и папа переглянулись. Марджори умудрилась сделать так, что родители снова были заодно.

– Сегодня была тренировка?

– Изящный уход от темы разговора, пап.

– А что такого? Просто интересуюсь.

– Я сегодня была на приеме.

– А. Точно. Прости. – Раздражение сразу же отпустило папу, и он вжался в стул. – Как все прошло?

Тогда я абсолютно не понимала, о чем они говорят, и неведение сильно нервировало меня.

– Просто великолепно. – Поза и положение Марджори остались прежними, а вот голос ее ослаб и как бы улетучился куда-то, будто она вот-вот заснет. Но затем она повернулась ко мне и сказала: – Папа хочет, чтобы мы все помолились за то, чтобы когда-нибудь оказаться на небесах.

Я снова проверила, на месте ли ее письмо, и пообещала себе усилить меры безопасности в спальне. Может быть, стоит подумать о детской присыпке на полу, чтобы отслеживать следы чужих ног.

Папа заметил:

– Вот это было ни к чему. Вообще, мама права. Мы можем обсудить это в другой раз...

– Мы поели, мы попили, червячка мы заморили, – сказала Марджори. Затем она засунула себе полпорции спагетти в рот, шуточно раздвигая набитые пастой щеки. Но никто не смеялся. Спагетти и соус вываливались у нее изо рта и стекали по подбородку вниз, обратно в тарелку.

Мама и я одновременно воскликнули:

– Марджори, ты ведешь себя отвратительно!

– Фу, гадость!

– Слушайте, я всегда старался уважать вас всех и не навязывать вам мою веру, так что...

– Пытаясь заставить нас молиться?

– Ну и что с того!.. Вы должны уважать мою веру! – Папин голос теперь гремел громче, чем прежде его же барабанившие по столу руки. В груди у папы будто бы был запрятан рупор, от которого трещали стены и трясся фундамент. Он опустил голову и нацепил на вилку пасту.

Мне сложно было понять, что думает обо всем этом мама. Обычно она не давала папе спуска за крики, и он сразу же извинялся перед нами. Сейчас же, не нарушив нашего общего молчания, мама сидела, опершись подбородком на сложенные руки, и смотрела на Марджори.

– Пап, а мы на самом деле говорили о рае сегодня. На приеме. – Марджори вытерла лицо тыльной стороной руки и подмигнула мне.

Папа перестал брать меня в церковь, когда мне исполнилось четыре года. Все, что осталось в моей памяти от этих походов, – это скука, деревянные скамьи и большой холм за церковью, с которого мы обычно скатывались на санках. Поэтому небеса были для меня туманной карикатурой из запутанных образов, тиражируемых в массовой культуре: пышные облачка, арфы, крылатые ангелы, золотой солнечный свет, огромная рука, предположительно принадлежащая гигантскому человеку по имени Бог со струящейся белой бородой. Для меня рай был неизведанным местом, о котором в школе иногда говорили ребята, рассказывая об отправившихся туда умерших бабушках, дедушках и домашних зверушках. Я не понимала, что это, к чему это. Да и не особенно хотела разбираться в этом.

Марджори спросила папу:

– Я могу задать тебе тот же вопрос, что и доктору Гамильтону?

– Конечно. – Папа размазывал еду по тарелке, как обиженный полученным нагоняем ребенок.

– Ты же веришь в рай?

– Да, искренне верю, Марджори, и...

– Подожди, я еще не добралась до моего вопроса. Так вот, веришь ли ты, что в раю нас ожидают желающие разделить с нами вечность близкие люди – вернее, их призраки, духи и все такое?

– Да, но...

Марджори сказала:

– Подожди. – Она хихикнула. – Это все еще не мой вопрос. Как ты можешь быть уверен, что духи твоих любимых людей в раю настоящие?

– Я не понимаю, к чему ты клонишь.

– Я спрашиваю, как ты можешь знать точно, что ты говоришь именно с призраком твоего отца, а не с каким-нибудь демоном, прикинувшимся им? Что если демон идеально изображает дедушку? Разве это не было бы ужасно? Представь себе: ты сидишь в раю с тем, кого принял за дедушку. Дух похож на него, говорит, как он, и ведет себя, как он, но можешь ли ты быть совершенно уверен, что это именно дедушка? Проходит все больше и больше времени, и ты понимаешь, что никогда не сможешь быть уверен в этом. Ты никогда не сможешь быть уверен, что и все остальные духи вокруг тебя не спрятавшиеся под чужой личиной демоны. И твоя измученная душа будет вечно находиться в этих сомнениях, в ожидании того, что в какой-то момент вечности ты заметишь страшную, жуткую перемену в лице обнимающего тебя деда.

Марджори поднялась, прижимая к груди стакан с водой. Ее подбородок был красным от соуса для спагетти.

Сидя за маленьким круглым кухонным столом, я взглянула на маму и папу, которые смотрели друг на друга так, будто бы они не узнавали никого из присутствующих. Никто не проронил ни слова.

Марджори медленно покинула кухню. Мы вслушивались в звуки ее шагов, удалявшихся в глубь дома и затем наверх, в ее комнату. Наконец, мы услышали хлопок ее закрывающейся двери.

Глава 7

Я проснулась от звуков рекламы местного автосалона в 23:30. Кто-то орал: *«Приходите к нам, цен ниже ни у кого не найдете!»* Я положила мой будильник-радио под подушку, чтобы меня не застукали родители.

В коридоре и спальне свет не горел. Это означало, что родители все выключили и уже отправились спать. Их спальня была прямо напротив комнаты Марджори. Дверь в их комнату была закрыта. За этими спальнями, на другом конце коридора была застекленная терраса. Через окна пробивался свет уличного фонаря.

Пол в коридоре охлаждал мои босые ноги, поэтому я шагала на пятках с завернутыми кверху пальцами ног. Я решила не тащить с собой книжку Скарри. Дверь Марджори была слегка приоткрыта. Из комнаты доносилась тихая фоновая музыка. Сквозь дверную раму проливался мягкий свет. Я не постучалась, а просто легонько толкнула ее массивную дверь.

Она сказала:

– Закрой дверь за собой. Тихонечко.

Я затворила дверь, повернув ручку с осторожностью взломщика сейфа.

В комнате был зажжен только ночник, который подсвечивал кровать Марджори. Мне пришлось прищуриться и поморгать, чтобы глаза привыкли к полутьме.

– Скорее скажи: моя комната такая же, как в прошлый раз, или что-то в ней поменялось?

Я осторожно осмотрелась. «Осторожно», потому что я старалась не вглядываться слишком пристально, боясь засмотреться и увидеть что-нибудь лишнее, особенно собрание постеров с переплетавшимися обрывками людей и оскалившимся ртом по центру.

Я ответила:

– Все по-прежнему.

– Может быть и так. Не знаю. Возможно, комната поменялась после твоего ухода. Может, вчера коврик и кровать были под потолком. Возможно, моя комната все менялась и менялась, а потом вернулась к прежнему виду как раз перед твоим приходом. Может быть, и твоя комната такая же и постоянно меняется, как моя, просто по секрету от тебя, так что ты этого не замечаешь.

– Прекрати. Я сейчас уйду к себе, если ты продолжишь в том же духе.

Марджори села на кровати. На ногах у нее лежала открытая книга. На ней была все та же одежда. Подбородок так и остался в красных пятнах соуса. Ее волосы были темные, сальные и тяжелые. Казалось, голова Марджори сгибается под их весом.

Марджори произнесла:

– Да ладно тебе, я просто дразнилась. Сядь рядом, Мерри. У меня готова для тебя новая история.

Покорно усаживаясь рядом с сестрой, я проронила:

– Знаешь, письмо твое мне не понравилось. – Я представляла себе, как Марджори прокрадывается в мою комнату и зажимает мне, спящей, нос пальцами. Мысль об этой сцене пугала меня. Та же сцена, но с точностью наоборот – ее нос между моими пальцами – вызывала у меня восторг. – Не ходи больше без спроса в мою комнату. А то маме расскажу. И записку твою покажу. – От ощущения собственной храбрости раздувало грудь и кружило голову.

– Прости. Не знаю, могу ли я тебе пообещать что-либо подобное. – Марджори помотала головой из стороны в сторону, будто бы прислушиваясь, не выходят ли мама с папой из своей комнаты в коридор.

– Нечестно это.

– Знаю. Но время новой истории. – Она развернула книгу на коленях.

Это была, конечно же, книга, которую Марджори выкрала у меня из комнаты: «Вокруг света». Марджори открыла книгу на странице с рисованной панорамой Нью-Йорка. Страницу заполняли здания цвета красного кирпича и синего моря. Они так и пытались оттеснить друг друга в борьбе за место под солнцем. Улицы и тротуары, а равно и люди на улицах и тротуарах, были замалеваны толстыми зелеными штрихами. Марджори, должно быть, рисовала тем же зеленым восковым карандашом, которым была написана оставленная мне записка.

Она произнесла:

– Нью-Йорк – самый большой город в мире, так? Когда растущие существа... – Марджори прервалась. Ее пальцы прошлись по зеленым линиям на странице. – ...начали там расти, это было предупреждением, что они могут расти, где угодно. Пробивающиеся через цементные дорожки саженцы постепенно захватили весь Центральный парк, опустошив водоемы и фонтаны. Существа просто росли, вытесняя траву и деревья, а потом и цветы на подоконниках многоквартирных домов. Наконец, они заняли и улицы. Когда люди пытались срезать их, они начинали расти еще быстрее. Никто не понимал, как и зачем они растут. Под улицами, ну, ты понимаешь, в канализации, почвы же не было. А они все равно росли. Лианы и стебли проламывались сквозь окна и стены в дома. Некоторые люди взбирались по растущим существам, чтобы красть из домов еду, деньги и телевизионные панели. Но в зданиях вскоре было уже не протиснуться ни людям, ни всему остальному, и дома попросту рухнули. А существа и дальше стремительно росли, по полметра в час. – Она продолжала рассказывать, как в пригородах растущие существа поглотили все красивые лужайки и садики, а заодно и дороги с тротуарами. В сельской местности и на фермах растущие существа погубили кукурузу, пшеницу, сою – весь урожай. Никто не мог остановить растущие существа. Люди выливали и разбрызгивали на них миллионы литров гербицида. А существа все росли. От безнадежности люди заливали их целыми бутылками средства для чистки канализации, щелочного раствора и отбеливателя. Ничего не помогало. Вся химия и отравы утекли в грунтовые воды, разъев все, кроме существ.

Мой палец следовал по завиткам зеленых линий на страницах с Нью-Йорком. Мою голову заполняли те самые расползающиеся вьюны, колючки и листья. Я не сразу заметила, что Марджори замолчала и уставилась на меня.

– Это еще не все. Спроси меня о чем-нибудь.

Я знала, какой вопрос она ожидает, и задала его.

– А что же будет с нами? Как нам победить растущие существа?

Марджори закрыла книгу и выключила лампочку для чтения, закрепленную на прищепке в изголовье ее кровати. Было так темно, что, казалось, в комнате, кроме нас, ничего и не было. Вот только это ничего было все-таки очень ощутимо: оно заполнило мои глаза и легкие и легло на мои плечи.

Марджори положила мою голову себе на колени. От ее ног пахло потом. Она грубовато гладила мне голову, пробегая пальцами через мои волосы. Отдельные пряди цеплялись за ее колечко настроения¹⁴ и с болью выдирались, увлекаемые им.

Она сказала:

– В конце концов остались всего две девочки. Они жили в домике на вершине горы. Тот домик как раз походил на картонный домик у тебя в комнате. Девочек звали Марджори и Мерри. Они жили одни с отцом. Мама их пропала много недель назад, когда отправилась в магазин за продуктами. Именно в тот момент растущие существа начали наступление на их городок.

Еды им не хватало, и с их отцом творилось что-то неладное. Большую часть времени он проводил взаперти у себя в комнате. Неважно обстояли дела и у бедной Марджори. Она

¹⁴ В 1970-е гг. появились украшения с термочувствительным элементом, который в зависимости от температуры тела (и, предположительно, состояния духа владельца) менял свой цвет.

заболела. Исхудала. Высохла. Ей слышались голоса, нашептывающие ей страшные вещи. Она решила не вылезать из постели и спать до тех пор, пока все не вернется на круги своя. Но план не сработал. Одна только храбрая маленькая Мерри оставалась сама собой.

В последний день их отец покинул дом в поисках еды. Он велел Мерри ни в коем случае не открывать входную дверь и держаться подальше от подвала. Шло время. Мерри не знала, что делать, поскольку Марджори кашляла, стонала и бредила. Сестре нужны были еда, вода, хоть что-нибудь. Мерри спустилась в подвал, надеясь найти там припрятанную еду, о которой семья, возможно, забыла. Вместо этого она обнаружила в подвале верхушки растущих существ, которые пробивались через земляной пол. Она смотрела, как они росли и росли. Подрастая, существа постепенно выкорчевали из грязи большой предмет, который свисал с растений как сломанная марионетка. Это было тело их матери. Вот Мерри и открылась страшная правда: отец отравил мать и закопал ее в подвале. Он также медленно травил и Марджори. Другого объяснения плохому самочувствию Марджори не было. Во всем был виноват их злой отец. Та же участь была уготована и Мерри.

Мерри выбежала из подвала, понеслась наверх к Марджори и забралась к ней в постель, под одеяло. Растущие существа начали пробиваться через кухонный пол и постепенно заполнили весь дом. Все вокруг стало зеленым. Маленький картонный домик на горе трещал и скрипел под напором растущих существ, которые проедали себе путь сквозь его полы, стены и потолки. И вдруг послышался громкий стук во входную дверь.

Марджори сделала паузу и осторожно, но настойчиво постучала по моей голове. Не настолько сильно, чтобы было больно, но достаточно ощутимо, так что казалось, будто она стучит из моей головы.

– Мерри попыталась проигнорировать стук в дверь. Вместо этого она задала Марджори два вопроса: «Что мы будем делать, если это не папа за дверью? А что будем делать, если это он?»

Я привстала и скатилась с колен Марджори на пол. Со стуком приземлилась на колени. Клацнули зубы. Я встала на нетвердые ноги. Слезы жгли глаза.

Я собиралась крикнуть *«ты отвратительная сестра, ненавижу тебя!»*...

Но тут Марджори проронила:

– Мне нехорошо, Мерри. Я не хочу тебя пугать. Извини меня. – Ее голос задрожал. Она закрыла лицо руками.

Я сказала:

– Все нормально. Ты же выздоровеешь? И мы снова будем рассказывать обычные истории, как прежде. Будет весело.

– Нет. Запомни историю о двух сестрах. Запоминай все мои истории, потому что... мою голову переполняют призраки. Я пытаюсь избавиться от них. Ты должна помнить именно историю про двух сестер. Хорошо? Не забывай. Прошу тебя, скажи «хорошо».

От Марджори осталась одна только тень на кровати. Ее можно было принять за кучу скрученных ненужных одеял. Я не могла разглядеть ни ее глаз, ни заляпанный соусом для спагетти подбородок.

Не дождавшись от меня ответа, она вскрикнула, словно на нее кто-то напал. Звук был такой оглушительный, что мне показалось, будто он приподнял меня с пола и отбросил назад.

– Скажи «хорошо», Мерри! Скажи!

Я ничего не сказала, а просто выбежала из ее комнаты.

Глава 8

Я хотела быть футболисткой, как Марджори, только лучше. У нее была хорошая нога, что в устах папы значило: она умела ударить по мячу сильно и отправить его далеко. А у меня обе ноги были хороши. Я была юркой и быстрой, могла с мячом обойти игроков постарше. Марджори была свипером¹⁵ в команде 9-го класса. Звучало круто. Я не знала, что это за позиция, но понимала, что Марджори была особенной или самой важной защитницей. Сама же я не желала быть свипером. Мне хотелось забивать голы, и я дулась каждый раз, когда тренер ставил меня в защиту.

Мы приехали слишком рано на тренировку, и мама предложила подождать тренера в машине. Сидя с голубым мячом цвета яиц певчего дрозда, я бдительно высматривала оранжевую рубашку тренера. Мама опустила окно машины наполовину и зажгла сигарету. Курение вблизи поля было запрещено.

– Почему папа перестал возить меня на тренировку? – Я знала, что этот вопрос вызовет у мамы раздражение, но я злилась на нее за то, что она затянула мне волосы назад. Мне же хотелось, чтобы они свободно развевались. Мне всегда нравилось, как моя шевелюра развеивается за мной при беге, как хвост у воздушного змея.

– Ты хотела бы, чтобы меня здесь не было? Молодец, очень мило с твоей стороны.

– Да нет. Ты мне нужна здесь. Просто спрашиваю.

– Он поехал с Марджори на прием.

– Разве не ты обычно едешь туда?

– Да. Но в прошлый раз все прошло не совсем хорошо. Доктор сказал, что, возможно, нам с папой было бы неплохо поменяться местами.

– Что случилось?

Мама вздохнула, и дым, который она обычно искусно выдыхала из уголка рта через открытое окно, вырвался и затуманил салон машины.

– Милая, ничего особенного, правда. Просто папина очередь съездить с ней.

Она лгала. Это было до смешного очевидно. Ее попытка скрыть от меня то, что она удерживала в себе, давала мне основания воображать самые различные ужасы, происходящие в кабинете врача. Не то чтобы я знала, о каком враче, собственно, говорила мама. Не то чтобы я вообще знала, что бывают разные доктора. Я как всякая второклассница думала, что доктор – это просто доктор, человек, который лечит больных. Впрочем, я понимала достаточно, чтобы начать волноваться, что у Марджори нашли рак или какое-то страшное заболевание с непронизносимым названием. У меня никогда не будет детей, но если я вдруг неожиданно и необъяснимо буду проклята материнством, то я торжественно обещаю отвечать на все вопросы своего ребенка, рассказывать ребенку все и не скрывать от ребенка ни одной неприятной детали.

Пытаясь выудить информацию, которую никто не собирался мне выкладывать, я пустила в ход единственный козырь, который у меня был.

– Мам, она себя в последнее время ведет довольно странно.

– Серьезно? В каком смысле?

Плакать захотелось просто от того, что я проговорила. Это было больше ябедничества. Это было предательством сестры, которая, по всей видимости, была тяжело, страшно больна. Впрочем, какая уже разница. Я больше не могла держать все в себе. Я открыла рот и позволила всему, переполняющему меня, пролиться наружу. Я рассказала маме о том, что Марджори прокрадывалась ко мне в комнату по ночам и забирала мои книги, об истории с потоком патоки,

¹⁵ Также чистильщик или свободный защитник. Особое амплуа футболиста. Такой игрок в основном занимается отбором и выносом мяча. Не имеет определенного места на поле. Выполняет защитные функции.

о записке, о растущих существах, о том, что она говорила о призраках в ее голове. Сюжет про растущих существ я несколько приукрасила. В моей версии Марджори заявила, что существа вырастут прямо на футбольном поле во время тренировки и поглотят нас всех.

Мама потеряла лоб одной рукой, а потом другой поднесла сигарету ко рту.

– Спасибо, что поделилась со мной, Мерри. Рассказывай мне, пожалуйста, все, что она делает... не знаю, как объяснить... все, что кажется странным. Хорошо? Это будет нам в помощь. Это поможет ей. – Она покачала головой и выпустила новую струйку дыма. – Марджори не должна была тебя так пугать.

– Я не боюсь, мама.

Мама открыла отсек между нами и вытащила оттуда красный блокнот размером почти с ее руку. Между страницами была аккуратно вложена ручка. Мама быстро сделала какие-то пометки.

– Ой, а мне можно такую? – Я потянулась за красной записной книжкой. Мама отдернула ее от меня.

– Мерри, нельзя все так хватать! Сколько мне тебе еще твердить об этом?

– Извини.

– Прости, что я накричала. Пойми, этот блокнот не для тебя. Доктор Гамильтон хочет, чтобы я записывала все, что происходит дома. – Кажется, она увидела, как дернулось мое лицо, потому что положила руку мне на плечо. – И я надеюсь, что ты не будешь думать, будто бы происходящее с Марджори каким-то образом происходит по твоей вине.

Своей вины я ни в чем не чувствовала. Однако ее слова заставили меня запаниковать. Я крепко ухватилась за мамин воротник и приподнялась с сиденья, чтобы приблизиться к ней. Я собиралась сказать ей, что Марджори вообще-то ничего плохого не сделала, что я преувеличила истории, которые она рассказывала, что мне они, в принципе, даже нравились, что мне хотелось послушать еще больше таких историй и что я может быть собиралась даже сама придумать что-то подобное. Вместо этого я сказала:

– Только пожалуйста, не говори Марджори, что я с тобой поделилась. Не делай этого.

– Не буду, солнышко. Обещаю. – Обещала она не по-настоящему. Это была просто точка в конце ее фразы.

Я села на место. Я все еще отчаянно хотела разобраться в том, что происходит.

– Я беспокоюсь о Марджори, даже если ты не беспокоишься.

Мама улыбнулась и затушила сигарету.

– Конечно же я беспокоюсь, Мерри. Очень сильно. Но Марджори оказывают помощь, и мы справимся со всем этим. Обещаю. Пока же постарайся быть особенно мягкой с сестрой. Проявляй как можно больше понимания. Она... Для нее сейчас все запутанно. Догадываешься, о чем я?

Нет, я не догадывалась. Но я утвердительно кивнула головой, так быстро, что у меня чуть не растрепались косички и слетели резинки.

Больше мы ни о чем не говорили, пока на парковку не въехал тренер на красной машинке, которая была бы в самый раз для любящего играть в прятки Золотого Жучка.

– Вот и он. Давай, иди, веселись. Слушайся тренера.

– Мам, я не могу пойти, пока ты не дашь мне наставление на тренировку, как это делает папа.

– А что он обычно говорит?

– Бей мяч насквозь. Голову вверх. И он говорит, что скорость не натренируешь.

Мама засмеялась.

– Что он хочет этим сказать?

– Не знаю, наверно, что я и так быстрая и что мне не нужен тренер! – Я тоже посмеялась, но смех получился натужным и маниакальным.

– Хорошо. Марш. Отличной тренировки, милая.

Мама поцеловала меня в лоб и осталась сидеть в машине. Я выбежала на поле и присоединилась к стайке моих подруг по команде. Оливия, самая высокая и блондинистая из нас, ткнула в меня пальцем и зажала нос:

– Фу, от Мерри пахнет дымом.

Тренер сказал ей, чтобы она вела себя прилично. Во время выполнения упражнений один на один я пнула Оливию, целясь в место над ее наколенником. Она свалилась на землю, вопя и прижимая ногу.

Другие игроки выкрикивали мое имя, умоляя меня пасовать им. Я их не слушала. Я быстро повела мяч мимо стонущей и корчащейся Оливии. Скорость не натренируешь.

Глава 9

Я села в кровати. Я понимала только, что я дома – в огромном мрачном пространстве, в котором где-то была заключена и Марджори, то ли потерянная, то ли прячущаяся. Сейчас она орала.

Сложно было понять, что Марджори не стоит непосредственно рядом со мной со сложенными в рупор руками. Ее голос был шокирующе громким. Она кричала душераздирающе. Такого крика я никогда больше не слышала – ни до, ни после. Ее пронзительный визг с перепадами тембра был зовом неменяемого человека. Звук накапливался, набирал мощь, гремел оглушительным взрывом, расширялся и волной накрывал все вокруг. Головокружительные перемены в ее голосе были моментальными и галлюциногенными. Она будто бы настраивала себя своим атональным плачем.

Я осторожно протиснулась через приоткрытую дверь, стараясь при этом не задеть все мои средства обороны. Истошный голос Марджори органными трубами разносился по коридору. Мои родители выбежали из своей комнаты, выкрикивая имя Марджори. Тщетно пытаюсь запахнуть халаты, они ринулись в противоположный конец коридора. Хотя мне и было страшно, я помню, что злилась на них, моих бормочущих спросонья родителей. Были ли они вообще в состоянии защитить Марджори и меня? Могли ли они обеспечить нам безопасность?

Заметив меня, мама жестом остановила меня на моем конце коридора и крикнула:

– Быстро в кровать! Скоро приду!

В свою комнату я не последовала. Вместо этого я свернулась калачиком на полу коридора. Я давала мысленные клятвы Марджори, что она может рассказывать мне любые сумасбродные, жуткие и неприятные истории, какие только захочет, и что я ничего не скажу маме. Только пусть прекратит вопить.

Папа колошматил по двери и выворачивал дверную ручку. Дверь не поддавалась. Папа звал Марджори, но его было еле слышно. Никким образом Марджори не могла его услышать. Мама вплотную приблизилась к нему и тоже пыталась докричаться до Марджори со словами «солнышко» и «милая», как будто бы она уговаривала ребенка съесть порцию брокколи. Они были в замешательстве, не знали, что предпринять. Они тоже были напуганы. Может быть, даже больше меня.

Наконец, папа взломал дверь, и моих ухватившихся друг за друга родителей озарил идущий из комнаты Марджори яркий золотистый свет. За светом последовал вулканический рокот, от которого у меня все полопалось в голове. Я схватилась своими маленькими ручками за голову и пыталась не дать ей расколоться, но отголоски гвалта просачивались в меня сквозь пальцы. К крикам Марджори добавился стук стен, пола, или сразу и того, и другого. Эхо все нарастало и усиливалось, пока все вокруг нас не гремело, стучало, грохотало и горланило. Я ощущала каждый звук всем своим нутром.

Папа крикнул:

– *Боже мой*, Марджори! Прекрати немедленно! – И исчез в ее комнате.

Мама оставалась в дверях и выкрикивала обрывистые наставления папе.

– Не надо! Осторожно! Мягче! Джон! Полегче! Не трогай ее! Пусть придет в себя сначала! Она не понимает, что делает!

Я поползла по коридору в сторону комнаты Марджори. Мои ладони и голые коленки по пути собирали пыль и грязь с паркета, уже много недель остававшегося без уборки.

Стук прекратился. Марджори все еще истерически кричала, но она все же немного успокоилась, настолько, что я смогла разобрать слова.

Марджори кричала:

– Уберите их из моей головы!

Папа:

- Все хорошо. Ты... Просто тебе приснился кошмар.
- Они такие старые. Не дают мне спать. Они постоянно там.

Мама:

- Ох, Марджори. Мама и папа здесь, с тобой. Все в порядке.
- Они всегда будут здесь. Их слишком много.

Папа:

- Шшшш, здесь никого нет, кроме нас.
- Мне не спрятаться от них.

Я уже была на полпути к ее комнате. Марджори больше не кричала. Голос ее звучал спокойно и невозмутимо. В ее тоне угадывалось обычное раздражение подростка, который едва может найти в себе силы пробормотать ответ на надоедливый вопрос родителей.

Голоса мамы и папы звучали все громче, в них слышалось отчаяние.

Мама:

- Прощу тебя, милая. Давай, спускайся!
- Нам от них не убежать.

Папа:

- Марджори, спускайся оттуда! Прямо сейчас!

Мама заорала на папу за то, что тот кричал на Марджори. Папа крикнул Марджори, чтобы та прекратила этот кошмар. И тут Марджори начала снова кричать на них обоих. Кричали все трое. Мне казалось, что это никогда не закончится.

Я впрыгнула в дверной проем, все еще пригнувшись к полу. Когда я подняла глаза и увидела Марджори, начала орать и я.

На следующее утро мама объяснила мне, что Марджори не помнит ничего из случившегося, поскольку она ходила во сне или что-то в этом роде. Я спросила ее про дырки в стенах. Мама попыталась отшутиться:

– Да, Марджори во сне еще и дерется. – Я не оценила шутку. Тогда мама объяснила, что Марджори приснился ночной кошмар, от которого так пугаешься, что тело кажется всем проснувшимся, а ты на самом деле спишь. Марджори была так перепугана, что пробила в гипсокартоне дырки. Наверно, это она пыталась убежать от того, что ей снилось. Мама заверила меня, что Марджори была достаточно сильна, чтобы пробить дырки в гипсокартоне, довольно ломком, особенно в тех местах на втором этаже, где штукатурка была старой и крошилась. Мамины слова должны были успокоить меня, однако у меня в голове не укладывалась мысль о ночном кошмаре, к которому теперь добавилось беспокойство по поводу того, что стены были такими непрочными. Что это за дом с рыхлыми стенами?

До всех этих объяснений про ночные кошмары и старую штукатурку, той ночью я, стоя в дверях комнаты Марджори, увидела вдавленную в стену Марджори. Она выглядела как паучиха. Паутиной ей служил концентрический коллаж постеров из блестящих обрубков тел, посреди которых она и зависла. Ее плечи и ноги были расправлены, как орлиные крылья. Руки, запястья, голени и щиколотки так вжаты в стену, что казалось, будто они медленно растворяются в ней. Марджори корчилась и крутилась на одном месте. Ее ноги покачивались над полом на высоте примерно моего роста. Папе пришлось смотреть на нее снизу вверх и дергать ее за толстовку. Он все требовал, чтобы Марджори проснулась и спустилась со стены.

Голова Марджори была повернута в нашу сторону. Лицо ее я не могла разглядеть сквозь копну волос. Марджори выкрикнула:

– Блин, не хочу больше слышать их. К чертовой матери все! На хрен, никогда, никогда не хочу их слышать!

Мама схватила меня за руку и повела по коридору обратно в мою комнату. Всю дорогу она меня успокаивала. Звуки из комнаты Марджори постепенно затихали по мере того, как мы

продвигались по коридору. Мама резко отворила дверь моей спальни, сбив мой завязанный пояс от халата. Пояс лег на пол мертвой пушистой лианой. Моя пластиковая бутылка из-под апельсинового сока слетела с двери и стукнула маму по голове. Мама машинально провела рукой по лбу и запулила бутылку в сторону моего открытого шкафа. Я попыталась объяснить, что именно на нее свалилось, но она шикнула на меня и уложила в кровать.

Мама легла рядом со мной. У меня была истерика, и через слезы я постоянно спрашивала ее, что не так с Марджори. Она гладила меня по голове и врала, обещая, что все будет хорошо.

Я отвернулась от мамы, но она все еще крепко прижимала меня к себе, обхватив руками и ногами. Я попыталась вырваться, хотя мне и некуда было бы бежать, если бы я смогла освободиться из ее объятий. Мама стала напевать колыбельную мне в затылок. Вопли Марджори и крики папы теперь звучали как саундтрек из хоррор-фильма, в котором все изрядно переигрывали. Каким-то образом со временем все смолкло: крики, визги и песенка. Мы заснули.

Когда я проснулась, мама все еще спала в моей постели. Она перетянула на себя все одеяла, перевернулась и спала лицом к стене. Ее спина ритмично вздымалась и мягко опускалась. Вверх-вниз. Я лежала, повернувшись в другую сторону комнаты в направлении моего картонного домика. Я не помнила, когда последний раз смотрела на домик, как и то, как он выглядел, когда я отправилась спать много часов назад, до того, как я проснулась под вопли Марджори, или когда мама вернула меня в комнату и промурлыкала песенку мне в черепушку.

Я была спокойна. Плакать я больше не собиралась. Но и сна я лишилась той ночью, пытаюсь понять, когда Марджори успела вновь побывать в моей комнате и была ли она здесь, пока мы с мамой спали. Я ощупала переносицу в поисках доказательств тому, что она пыталась зажимать мне нос.

Внешние стены, лотки для цветов на подоконниках, сланцевая крыша и даже труба были покрыты ростками тщательно прорисованных лиан и листьями с толстой черной обводкой, покрашенными зеленым фломастером. Растущие существа Марджори сдавливали мой домик. В окне торчал лист бумаги с двумя рисованными кошками в стиле Ричарда Скарри. Они будто бы выглядывали из окна в поисках меня. Кошки были сестрами. Старшая кошка была одета в серую толстовку с капюшоном и выглядела больной. Ее взгляд был безжизненным и осоловевшим. Глаза кошки поменьше были широко открыты и решительно глядели сквозь очки.

Я тихонько вылезла из постели, не разбудив маму. Достала рисунок из окошка домика. В нижней части листочка было написано:

Со мной все в порядке, Мерри. Вот только кости мои хотят пронзить кожу, как растущие существа, и прорваться в этот мир.

В картонном домике было даже темнее, чем в моей комнате. Так глубокие воды всегда выглядят мрачнее мелководья. Я отступила от домика. Однако глаза предательски глядели на окошко. Возможно, мне показалось, но ставни будто бы слегка шевелились. Казалось, домик дышит. Я уставилась в окошко, внутрь домика. Мои глаза отчаянно пытались ухватиться за какой-нибудь кусочек информации, подсказку, мне нужно что-то, с чем можно было работать. Чем дольше я всматривалась туда и ничего не могла разглядеть, тем больше мне виделась внутри домика съжившаяся в норе из одеял Марджори, готовая выбросить руку за окно и схватить меня при следующем приближении. А может быть, она хихикала себе под нос и ползала по-паучьи по стенам и потолку домика в предвкушении того, как она свалится на меня и вопьется клыками мне в шею. Или, что еще хуже, может быть, она была жертвой в заточении там и хотела, чтобы я спасла ее. Но я не знала, как помочь ей.

Я пообещала себе, что, может быть, утром повешу рисунок с кошками-сестрами внутри картонного домика. Я сложила картинку и убрала ее в верхний ящик моего комода, положив рядом с предыдущей запиской от Марджори. Когда я вынула руку из ящика, на тыльной стороне ладони я заметила искусно выполненный отпечаток зеленого листа на кудрявой лозе.

Глава 10

Мама и папа беседовали на кухне.

Слово «беседа» в нашем доме означало, что произошло что-то плохое. Чаще всего эти разговоры были организованными ссорами, которые по большей части касались дел по дому (в том числе куч белья на обеденном столе в столовой!) или воспитания нас, дочек. Вот некоторые из базовых пунктов в ходе стандартной беседы: папе не нравился снисходительный тон, с которым мама часто обращалась к нам; маме не нравились его крики и отсутствие системности в повышении им голоса; папа считал, что мама слишком скоро на расправу; маме не нравилось, что ее дисциплинарные взыскания ставились под сомнение в нашем присутствии. Хотя беседы открывались едкими фразами, они каким-то образом всегда заканчивались как мотивационная речь перед началом нового матча: избитые обещания оставаться разумными перед лицом иррациональности, возобновленные обязательства выступать единым фронтом, играть как команда. Итак, складываем руки в кучу: на счет три – родительствуем! Готовы? Брейк!

В тот день они старались держаться тихо и осторожно. По крайней мере так осторожно, как это было возможно у нас дома. Я спряталась под обеденным столом в столовой и посматривала на их ноги, щиколотки, икры и колени. Мамины ноги дергались вверх-вниз, когда она говорила, и из стороны в сторону, когда говорил папа. Его ноги оставались неподвижными, будто бы не знали, что поделаться с собой. Меня подмывало закатать им штанины и нарисовать на их коленях смешные рожицы с большими пухлыми губками.

Я трогала оставшиеся на тыльной стороне руки призрачные следы смывтого маркера. Я оттерла зеленый листочек от Марджори сразу же после подъема. Теперь я об этом сильно пожалела.

Сначала до меня доносились лишь отдельные фразы моих родителей: обрывки рассуждений о врачах, приемах, рецептах, медицинской страховке и чрезмерной дороговизне чего-то. По большей части их слова сами по себе ничего мне не говорили. Но настрой их речи, как и слово «дорого», были мне понятны. Они были обеспокоены, что уж говорить обо мне – я была очень сильно обеспокоена. Шпионить за ними из-под стола больше не казалось веселым времяпровождением.

Тут папа сказал:

– Выслушай меня.

Мама забросила ногу на ногу.

– Давай.

Папа бормотал какое-то время извинения по поводу последних нескольких недель и за то, что вместо того, чтобы целыми днями искать работу, он ходил в церковь прочистить голову и за наставлением. Он несколько раз повторил эти слова, подчеркивая их важность. «За наставлением». Он так быстро и часто их проговаривал, что у меня в голове они слились в одно слово, напоминающее некое название неизведанной далекой страны, о которой я могла бы попросить Марджори написать историю в нормальных обстоятельствах. Папа встречался с отцом Уондерли, который оказался очень любезным, спокойным и умел утешить. Он ничего другого не имел в виду. Ходил он в церковь без какого-то большого плана на будущее, а просто занавлением-занавлением-занавлением. Но ему в голову пришла мысль, что, может быть, Марджори стоит навестить отца Уондерли и тоже поговорить с ним.

– Черт возьми! – проронила мама.

Я прикрыла рот рукой, преувеличенно изображая удивление по поводу того, что мама выругалась. Мне пришлось сдерживать себя, чтобы не выпрыгнуть из-под стола, не погрозить маме пальцем и сказать ей, что ругаться нехорошо. Обычно она ругалась только в машине, когда другой водитель вел себя как придурок (ее любимое ругательство).

Папа остановил ее:

– Подожди. Я знаю, как ты относишься к церкви, но...

Однако места для «но» здесь не было. Мамина перекинутая на другую ногу нога начала раскачиваться взад-вперед как дубинка. Громким шепотом она заметила, что их дочь больна и нуждается в реальной медицинской помощи, что он не может позволить себе даже предполагать подобное и что вне зависимости от расходов – продадут дом, если что – они будут продолжать посещать доктора и проходить курс лечения.

Папа держался спокойно, постоянно приговаривая «я знаю» и заявляя, что он просто хотел попробовать другие варианты и что это ничему не помешает. Мама была категорически против. Она подчеркнула, что последнее, в чем нуждалась Марджори и остальные члены нашей семьи, в том числе папа, – это забить наши головы белибердой в исполнении отца Как-его-там. Это наверняка подорвало бы любые шансы и без того растерянной Марджори на излечение.

Я прошептала «белиберда», пробуя слово на вкус. Я пообещала себе использовать его при любом удобном случае.

Папа сказал:

– Ты не можешь быть в этом уверена. Как ты можешь знать это, Сара?

– Я об этом и говорю! Мы не можем сбиваться с курса лечения Марджори, поскольку у нас нет уверенности, что если мы откажемся от лечения, ей не станет хуже.

Папин вздох был долгим, будто бы у него внутри где-то была протечка.

– Ты будешь страшно злиться на меня, но я, это, уже свозил Марджори к отцу Уондерли.

– Что? Когда?

– Вчера.

– После приема?

Папа не ответил. Хотя мне не были видны их лица, я все же прикрыла свое лицо на тот случай, если обеденный стол вдруг расколется пополам и распадется, оставив меня на виду и без защиты. Мне нужно было как-то обезопасить себя от взглядов, которыми они, должно быть, обменивались в этот момент.

Наконец, папа сказал:

– Нет.

– Что ты имеешь в виду под этим «нет»? Ты не мог отвезти ее до этого... – Мама сделала паузу. Когда она заговорила снова, ее голос звучал так, словно провалился куда-то далеко вниз. – Джон, ты не мог.

– Я знаю, прости меня, да, но я не специально. Богом клянусь. Ей снова стало плохо в машине, как той ночью. Только было еще хуже.

– Какой же ты...

– Ты не понимаешь! Что она говорила и делала прямо в машине!

– Ты думаешь, я не понимаю? Будто бы это не я ездила с ней на все эти приемы? Наверное, это не мне приходилось каждый чертов раз извиняться перед секретарем и медсестрами? Это не меня оплевывали и царапали, Джон?

– Я... Я не знал, что делать. Она... – Папа замолчал.

– Ну, давай, скажи же. Сумасшедшая. Верно? Она потеряла рассудок. Почему же именно в этот момент не зайти в церковь? С твоей логикой не поспоришь.

– Марджори была невменяема. Я выплакивал мои чертовы глаза прямо там, на переднем сиденье. А она смеялась надо мной, рычала, как зверь, перечисляла, какими способами я хочу надругаться над ней, Сара. Моя доченька говорила так со мной. Тебе она высказывала подобное когда-нибудь? Говорила такое? Церковь была прямо по дороге, мне только нужно было остановить машину.

– Не верю.

– Я просто остановился и припарковался перед церковью. И знаешь, Сара, кажется, сработало. Она сразу же успокоилась. Отец Уондерли вышел к нам. Встреча прошла прямо в машине. Он сел на заднее сиденье. Они прекрасно поговорили. Незаметно для всех пролетел час.

– Ты хочешь сказать, что пропустил время приема? Того самого приема, на который именно тебя попросил прийти доктор Гамильтон?

– А много толку от твоего доктора Гамильтона? Есть какие-либо улучшения? Нет, ее состояние только ухудшается. Я подумал, что отец Уондерли сможет помочь ей. Теперь я знаю, что он сможет ей помочь. Помочь всем нам.

– Вот пусть он для начала поможет тебе найти работу и поможет нам выплатить ипотеку. Только пусть подальше держится от Марджори.

Они оба начали сбивчиво кричать друг на друга, как никогда прежде. Это было невыносимо, и, протиснувшись между ножками стола и стульев, я выползла из столовой в холл. Должно быть они меня заметили, потому что ругань прекратилась. Я помахала им с улыбкой во все зубы, делая вид, будто я ничего не слышала. Они ответили мне вымученными улыбками. Мама попросила меня пойти наверх и добавила, что они почти закончили.

Я пожала плечами. Ко всему этому я относилась спокойно. В моей голове кружилась мешанина из их слов. Мне хотелось узнать, как выглядит этот отец Уондерли, которого упоминал папа. Молодой он или старый? Высокий или коротышка? Худой или толстый? Потом мое внимание переключилось на более индивидуальные и конкретные детали. Большие ли у него костяшки пальцев рук? А что, если у него одна нога короче другой? Мог ли он языком дотронуться до кончика носа, как получалось у моей подруги Кары? Просит ли он добавить огурчики в чизбургер? Появляются ли у него в уголках глаз морщинки, когда он улыбается? Зевнет ли он, если я зевну? Как звучит его голос, если он так нравится папе?

Глава 11

Дверь в комнату Марджори, должно быть, была открыта, поскольку я услышала, как она напевает песенку. Мелодия была предельно заунывной, это была самая грустная песня на свете. Ноты, как опавшие листья – красные, бурые и фиолетовые, – слетали вниз по лестнице в холл.

Я потянулась вверх и прикрыла глазок на входной двери пальцем на случай, если кто-то стоит на нашем крыльце и пытается заглянуть к нам в дом. Я прошептала через дверь:

– Кто там? – Ответа я не услышала. Дважды стукнула по двери на удачу.

Я пошла зигзагом по лестнице, стуча по стене. Потом пошла по диагонали, чтобы ударить по перекладинам перил. Я наступала на черные ступеньки, будто бы те были клавишами рояля. На первой площадке я произнесла:

– Что это за песня? – На второй площадке я сказала: – Прекрати мычать. Песня застрянет у меня в голове.

Когда я поднялась наверх, то увидела, что Марджори не в спальне, а сидит на маленькой застекленной террасе, выходящей окнами на передний двор. Она свернулась на пухлом двухместном диванчике и копалась в смартфоне. На ней были красные шорты и черный спортивный топ.

Марджори прекратила напевать, когда я показалась на террасе.

– Что эта за песня? Ой, накинь хотя бы рубашку!

– К чему ойкать? Девушки ходят так на пробежку и в фитнес-зал.

– Какая разница? Мне так не нравится. – Хихикая, я потянулась и похлопала ее приподнятые груди. Свои движения я сопровождала звуком «бум-бум-бум» и заявлением: – Не хочу грудь. Никогда.

– Мерри! – Марджори оттолкнула мою ладонь, скрестила руки на груди и засмеялась. Искренне расхохоталась, по-настоящему, в первый раз за многие дни, а может быть и недели. Я растаяла в умиротворении и слепой любви. Марджори была снова моей Марджори: той Марджори, которая пряталась со мной под одеялом, когда в фильме наступал страшный момент; той Марджори, которая заехала в нос жившему по соседству Джимми Мэттьюсу после того, как тот подкинул мне за шиворот дохлую муху; той Марджори, которая отпускала шуточки по поводу мамы и папы и сумела рассмешить меня, да так, что я хохотала до поросычьего визга, после того, как родители накричали на меня и наказали, когда я оставила вмятины на проржавевших дверях гаража, отрабатывая пенальти.

Марджори сказала:

– Что я могу тебе сказать, сожалею, мартышка. У девочек есть грудь. И у тебя она будет через несколько лет.

– У меня будет *это* через несколько лет? – Я изобразила, что кричу, прикрыла грудь руками и заявила: – Фу, гадость, ни за что!

Я снова заставила Марджори смеяться.

– Откуда ты такая взялась? Ты иногда бываешь такой дурехой.

– Без тебя знаю. – Я положила руки на подлокотник дивана и начала подпрыгивать вверх и вниз, закидывая ноги назад в дурацком танце. Я спросила: – Как дела в школе?

– Отлично. Меня там не было.

– Почему?

– Ты же знаешь, плохо себя чувствую.

– Расскажи, что значит побывать у сих-ки-а-тра? – Я произнесла слово, разбив его по слогам, чтобы не ошибиться.

Марджори передернуло.

– Да ничего особенного. Он задает вопросы. Я отвечаю на них так, как должны отвечать хорошие девочки. Потом ухожу и жду, пока он говорит с мамой.

– Он приятный человек?

– Он для меня как обои. Он для мебели, понимаешь?

Я представила себе психиатра, облепленного желтыми обоями из террасы.

Еще один вопрос:

– Почему ты сидишь здесь? – Возможно, мама и папа велели ей больше не проводить столько времени в одиночестве в ее комнате.

– Да просто так.

Мне вспомнились дырки в стене ее спальни. Я представила, как стена плачет пылью и штукатуркой. Неудивительно, что она предпочла сидеть на террасе.

– С кем переписываешься? – как бы невзначай спросила я, будто бы мне были известны ее подростковые тайны.

– Да просто с друзьями. Ты не против? – Она больше не смотрела на меня, а уставилась вниз, на мерцающий экран телефона.

– Что за друзья? Я их знаю? У них бостонский акцент? Им нравятся зеленые M&M's с арахисом?

– Можешь теперь оставить меня в покое, – проговорила Марджори, но без особого напора. Она не была особенно раздражена или рассержена. Пока. До этого было еще далеко. Я могла еще подоставать ее.

Пытаясь изобразить шуточный тон, я сказала:

– Знаешь, это же не твоя комната. Я могу быть здесь, если мне хочется. – В отличие от ее спальни (да и моей, если подумать) маленькая терраса, ярко освещенная природным светом, который только усиливался благодаря сочетанию жизнерадостных желтых обоев и простых уютных прямоугольных очертаний помещения, казалась безопасным местом. Здесь не было шкафов, кроватей и картонных домиков. Не было теней и укромных мест, куда можно было бы спрятаться. Здесь, в этом нейтральном пространстве, мы были равны.

Я спросила:

– Ты переписываешься с отцом Уондерли?

Она резко вскинула голову. Все в ее лице сморщилось, сжалось или скрутилось. Кожу будто бы вывернуло наизнанку. Преобразившееся лицо было сплошной маской негодования. Мои танцевальные экзерсисы сошли на нет. Я убрала руку с подлокотника дивана.

Марджори тяжело вздохнула, показывая, кто здесь старший.

– Мерри, на самом деле ты ничего не понимаешь. Прекрати прикидываться.

– Кое-что я знаю. Я только что слышала, как мама и папа ссорятся по поводу него и тебя. Они все еще ругаются там внизу, на кухне. Мама просто бешено злая на папу. Ты бы ее слышала. Она даже выражается и все такое. – Я умолкла, но мой рот продолжал двигаться. Губы артикулировали беззвучную тираду: *Я в самом деле их слышала. Было дело.*

– Вот снова ты вытворяешь это со ртом. Прекрати. Ты больше не ребенок.

Когда я ходила в детский садик, я продолжала шевелить ртом после того, как заканчивала говорить. Маме казалось это милым. Папа утверждал, что мой рот не поспевал за всем, что у меня на уме. Марджори говорила полужразами и гримасами доносила до меня их окончания. Я понимала, что она просто подшучивает надо мной, но все же заикливалась на ее двигающихся губах, ожидая, что она, сама того не желая, выболтает советы о том, как должны вести себя настоящие взрослые девушки. В те времена я переворачивала корзинку для мусора в ванной комнате на втором этаже. Вставая на нее, я могла посмотреться в зеркало и училась говорить, а также не шевелить губами, когда я заканчивала говорить. Губы продолжали упорно бороться за право выразить иллюзорное заключительное слово.

Мне казалось, что я это уже переросла. Ужаснувшись, что рот снова подло предал меня, я сказала:

– Знаю. Прости.

– Не знаю, что ты услышала от папы, но с этим гнусным старым священником я не разговаривала. Даже «привет» ему не сказала. Говорили они с папой. Тупо молились. А я просто сидела в машине. Полностью игнорируя их.

– Не сомневаюсь.

Наши веселые посиделки на террасе быстро рассыпались на крошащиеся кусочки, которые были так же очевидны и заметны, как изъяны на облезающих и заляпанных желтых обоях на стенах. Нужно было только смотреть достаточно долго, чтобы увидеть все эти несовершенства.

– Заткнись, Мерри. Тебе лучше не соваться не в свое дело.

– Но...

– Никаких но. Хоть на одну секунду замолкни. Слушай. – Она не наклонилась вперед. Ее тело вообще не шелохнулось. Она держалась расслабленно, все еще с телефоном в руке, но говорила она крайне сухо, от чего впечатление было еще хуже. – Я знаю, что ты рассказала маме о новых историях, о растущих существах. Какую бредятину ты несла по поводу того, как они захватят футбольное поле! Об этом вообще не было речи.

Я одновременно обмякла и отмахнулась.

– Прости. – Я старалась изо всех сил, чтобы мой рот остался безмолвным и не сказал или сказал: *Ругаться плохо, Марджори*. Я не думаю, чтобы она замечала или ценила все те мелочи, которые я делала ради нее.

– Знаешь, мама рассказала доктору Гамильтону все, что ты ей наговорила. И теперь он хочет повысить дозы моих лекарств, превратить меня в зомби.

– Прости! Не говори так. Марджори...

– Прекрати! Хватит! Слушай меня. Скажешь что-нибудь маме еще раз, и я вырву твой хренов язык.

Я отскочила назад и ударилась о стену за моей спиной. Было ощущение, будто она меня ударила кулаком. Мы всегда дрались понарошку. Я почти умоляла ее помучить меня, потому что мысль о том, что ей наплевать, что для меня нет места в ее обширной вселенной, была хуже смерти. Я легко сносила многочисленные легкие шлепки, удары исподтишка по рукам и ногам, подкрутки запястий, щелбаны, щипки, следы от чмоков и выкручивание ушей. Самым неприятным, наверное, были родео с моими косичками. Но Марджори никогда по-настоящему не делала мне больно. И никогда раньше не угрожала мне расправой.

Марджори продолжала тыкать в телефон. Пальцы быстро летали по экрану, а она продолжала говорить.

– Дождусь, пока ты заснешь. Ты никогда не просыпаешься, когда я бываю у тебя. Я каждую ночь захожу к тебе в комнату, Мерри. Раз плюнуть.

Я представила себе, как она склоняется над моей кроватью, зажимает мне нос, рисует у меня на руке, зависает прямо надо мной, вдыхает мои выдохи.

– Может, в следующий раз я залезу к тебе в рот с клещами. Нет, стой, лучше просто пальцами. Сожму их покрепче, сделаю из них клешню, ухвачусь за жирного извивающегося червя и вырву его прямо из твоей черепушки. Как одуванчиков надрать из земли. Боль будет нестерпимая, большее, чем все, что ты переживала прежде. Проснешься со стоном прямо на моей руке, захлебываясь кровью. В голове у тебя будут буквально взрываться ослепительно белые вспышки боли. И крови будет так много. Ты себе даже не можешь представить, как много бывает крови.

Даже зная все, что мне известно сейчас, я никогда не смогу простить ни Марджори за то, что она сказала мне тогда, ни себя за то, что я осталась на террасе и сносила все. Я просто стояла там.

– Оставлю себе твой язык, повешу его на веревочку, буду носить его как подвеску, буду держать его поближе к груди. Пусть распробует мою кожу, пока не почернеет и не засохнет как любая мертвечина. Какая, черт подери, охренительная мысль: наконец-то твой неумолкающий язык сморщится и заткнется навсегда.

Она продолжала говорить и говорить. Мне казалось, что она никогда не остановится. Стоя там, я спиной чувствовала, как солнечный свет просачивается сквозь окна, то озаряя меня, то скрываясь. Терраса превратилась в огромные солнечные часы, отсчитывающие геологическое время моих психологических мучений.

– А вот твой рот, глупо разевающийся и закрывающийся, как у рыбы, хватающей воздух. Ты бы ощутила всю тяжесть утраты. Наконец-то ты бы усвоила самый давний из всех уроков. Боль потери. Мы все приобщаемся к ней со временем. Ты почувствуешь, как обрубок мяса будет сжиматься и прятаться за твоими коренными зубами. А может быть этот тупой кусок мяса так и не научится ничему и будет ерзать и тянуться за гласными и согласными, которые ему будут неподвластны.

Я стояла там не двигаясь, молчала, будто бы я уже лишилась языка.

– Единственное, что будет покидать твои уста после этого, – поток черной крови. Больше никаких слов. Никто тебя не будет слушать. Вот это самое худшее, Мерри. Ты никогда больше не сможешь говорить, а значит, ты не сможешь поделиться с кем-либо тем, что происходит прямо на твоих глазах со всеми людьми в этом доме. Всей той неприятной, ужасающей, невыразимой мерзостью, которая произойдет с тобой... А мерзость свалится на тебя, обещаю. На тебя и на всех остальных... Я-то знаю. Мне все известно и все видно. Никто не уберется.

Наконец Марджори прекратила говорить и набирать сообщение на телефоне. Она осторожно поместила его на тумбочку и сложила руки на коленях.

С широко открытыми глазами, я отступила и прижалась спиной к стене. Я рыдала в ладони, которые щитом прикрыли мне рот.

Марджори снова вздохнула.

– Да, ладно тебе, я просто шутила, Мерри. Блин. Ничего здесь такого. Я никогда с тобой так не поступлю. Ты же сама знаешь.

От этих слов я зарыдала только сильнее, потому что я не была в этом уверена. Я больше в это не верила.

– Ну да, злая шутка, признаю, но не такая уж ужасная. Иди сюда. – Марджори выпрямилась, села ровно и похлопала по месту рядом с собой на диване.

Покачивая головой, я осталась у стены. Солнце за окном засияло ярче, и нам обеим пришлось зажмуриться.

– Прощу тебя, Мерри. Я виновата перед тобой.

Все еще плача теми слезами, которые выстраиваются стеной в нижней части глаз, не желая выливаться и делая все расплывчатым, я украдкой подошла и села спиной к ней, как мы обычно делали.

Марджори пальцем нарисовала прописную букву между моими лопатками.

– Отгадай букву.

– М. – Я поразительно хорошо отгадывала в игре на прописи по спине. Даже в моменты эмоционального катаклизма.

– Я не должна была тебе наговаривать все это, просто я очень расстроилась, что ты пожаловалась маме на меня. Я думала, что мы сестры, что у нас есть тайны.

– Е.

– Хотела бы ты, чтобы я рассказала маме, как ты пришла сюда, щупала мне груди, пустила в ход руки?

– В? – Это была не В. Я была взвинчена. Я не знала наверняка, что она имеет в виду под «пускать в ход руки», но понимала, что ничего хорошего не услышу от мамы, если Марджори наябедничает.

– Нет. – Она снова выписала на моей спине букву, штрихи выводила медленнее, нажимала сильнее.

– Р.

– Да. Что будет, если я расскажу маме, как ты дразнишь меня, подсматриваешь за мной, ходишь за мной по пятам, сводя меня с ума? Я знаю, что она попросила тебя быть поласковее со мною, помогать мне.

– Р. Извини за шутку с грудями. Пожалуйста, не рассказывай маме.

– Ты ничего не скажешь, и я ничего не скажу.

– Хорошо. И. Мерри. – Она рисовала на моей спине слово полегче, чтобы успокоить меня. Сработало. Я больше не плакала, но глаза казались тяжелее, чем когда-либо.

– Договорились, мисс Мерри. – Марджори потеряла рукой мою спину, как учительница, стирающая написанное на доске. Она снова начала писать.

– М.

– Так вот, песня, которую ты слышала, просто пришла мне в голову.

– Р.

Песня. Вот почему я поднялась наверх. Марджори снова начала напевать ее. Мелодия звучала еще печальнее вблизи.

– А. Ты ее придумала?

– И да, и нет, и снова да! Это настоящая песня.

– Ч.

– Мама и папа ее не слушают. Я уверена, что не слышала ее раньше. Я уже рассказывала тебе об историях. Так вот и песня просто была у меня в голове, когда я как-то раз проснулась поутру.

– Н.

– Звучит печально, не так ли? Песня о самом печальном дне на свете.

– О.

– Но когда я ее напеваю, как будто что-то щекочется в горле. Довольно приятно.

– Б?

– Нет, не Б. Иногда хорошо, если тебе грустно, Мерри. Не забывай это.

Марджори не повторила пропущенную букву, а перешла к новой. Новая буква состояла из двух медленных завитков, нисходящих по всей спине, и одной резкой горизонтальной черты, которая соединила их.

– В.

– Да. Странно, но я даже знаю слова к песне.

– О. Пропой мне. – Я попросила спеть песню со словами, зная, что именно этой просьбы она и ждет. Услышать слова мне не хотелось. Я боялась, что песня окажется про сестру, крадущую язык у другой.

– Не хочется петь со словами. Мне больше нравится напевать ее.

– С.

– Слова пусть останутся при мне.

– К.

– Да они тебе и не понравятся. – Она прекратила писать на спине. – Продолжу напевать. Может быть, напою тебе, пока ты спишь.

– Марджори!

Она засмеялась и пощекотала мне подмышки. Но я не захихикала, вместо этого я пронзительно пискнула и коротко фыркнула.

– Прекрати!

– Сиди на месте. Не двигайся. – Она напевала песню, поднимаясь на диване. Я подпрыгивала на диванной подушке, пока Марджори искала равновесие. Она качалась над моей головой, будто попавшая в ураган ива. Я ощущала все бремя песни. Минор выдавливал воздух у меня из груди.

Марджори подпрыгнула и перелетела над моей головой. Ее тень промелькнула надо мной. Я сгруппировалась и откатилась к спинке дивана. Марджори со стуком приземлилась. Колени ее подкосились, она едва не вылетела в окно.

Откуда-то из-под нас послышался крик папы:

– Черт, что это было?

Марджори проговорила:

– Надо поработать над приземлением. Без ученья нет уменя, так говорят? – Она ущипнула меня за живот и затем убежала из террасы к себе в спальню.

– Хватит! – крикнула я ей в спину.

Марджори продолжала напевать песню уже у себя. А я все сидела, слушала и потом начала повторять за ней ту простую, но душераздирающую мелодию. Моя нога болталась в одном из последних затухающих лучей солнца. Я задумалась, смогу ли я напевать песню, если у меня не будет языка. Я пришла к выводу, что смогу.

Глава 12

В нашем телешоу следующий эпизод был представлен как инсценировка, а также последнее свидетельство одержимости Марджори каким-то злым духом. Инсценировка прямолинейная и, без всякого сомнения, эффектная, со сбивающей с толку резкой сменой кадров, зловещим – может быть, слегка чересчур зловещим – закадровым голосом, довольно низкокачественными, насколько я могу судить, компьютерными эффектами и искаженным/усиленным оцифрованным звуком.

В сцене актерская семья Барретт сидит в гостиной и смотрит «В поисках йети»¹⁶. Все собравшиеся в комнате с энтузиазмом наблюдают за тем, как псевдоученый бросает клич йети посреди освещенного камерами ночного видения леса. Актриса-мама (простушка с россыпью веснушек на лице, но очень симпатичная, даже по телевизионным меркам) и актер-папа (слишком грузный и старый, чтобы быть нашим папой, с местами неровной бородой, выжженной как лужайка летом) сидят рядышком на диване. Оба одеты в рубашки на пуговицах и штаны из немнущейся ткани. Оба ребенка Барреттов лежат на полу, на животе, подперев щеки кулачками, болтая ногами в воздухе и стуча пятками. Достойная Нормана Роквелла¹⁷ сцена семейной идиллии в новом тысячелетии резко прерывается, когда актер-папа спрашивает: «Что сегодня было в школе?». Налетевший вслед за этим ураган не ограничивается гостиной, но проносится через весь дом и завершается кульминацией в спальне Марджори.

На самом деле все было абсолютно не так, хотя я готова признать, что в свое время была помешана на шоу «В поисках йети» и настаивала, чтобы вся семья смотрела его со мной. Просмотры сопровождались шутивными спорами между мной и папой по поводу существования йети в реальности. Я верила в то, что йети существуют, он – нет. Негласным правилом наших постоянных дебатов была невозможность для какой-либо стороны изменить позицию. Я яростно отстаивала свою убежденность по поводу реальности мифического существа и чуть ли не отплевывалась от любых заявлений об обратном. Я знаю, что папе нравились наши обмены колкостями, при этом он всегда оставался спокойным и разумным в своем научном подходе к спору. Прибегая к сократовскому методу разоблачения йети, он задавал мне вопросы, ожидая, что я рано или поздно сама осознаю правду. Его излюбленный вопрос, который он часто задавал, после того как я прорывалась через аргументы, касающиеся плотности населения, эволюции и устойчивости экосистемы, – почему же никто до сих пор не находил мертвого йети? Мой ответ был: так йети же хоронят своих в священных, тайных местах. Это же элементарно, папа.

Я не помню, чтобы мы тем вечером сидели в гостиной и смотрели «В поисках йети». Я вообще не помню, чтобы тогда что-то происходило. Впрочем, вполне возможно, что я многое запомнила. Не исключено, что именно телеверсия со сценой в гостиной как раз и показала, как все было, пусть и с некоторой долей драматизма. По контракту сценаристы и продюсеры консультировались с мамой и папой, и общались они с ними много. Есть вероятность, что телешоу опиралось на слова Марджори во время их многочисленных интервью с ней. Если память мне не изменяет, меня никто о той ночи не спрашивал. Судя по всему, та ночь была настолько травматичным опытом, что моя память вытеснила ее или смешала произошедшее в действительности с вымышленным телешоу о нас.

Из того, что я все-таки помню, – это ужин за кухонным столом. Каждый восседал на своей стороне света. Мы были задумчивые и притихшие, не вполне понимая, что происходит и что нам делать, когда это все закончится.

¹⁶ Американский телесериал на канале Animal Planet (оригинальное название – Finding Bigfoot).

¹⁷ Американский художник и иллюстратор, прославившийся своими сентиментальными картинками жизни в США.

Я навсегда запомнила нас, сидящих вокруг кухонного стола как куклы за воображаемым чаепитием.

Женщины семейства Барретт, не сговариваясь, пришли к решению, что мы не будем ждать папу, и начали есть пасту. Да, снова паста, третий вечер подряд. Я успела похныкать, когда застала маму у кастрюли в зеленый горошек с кипящей водой. Она мне ответила, что мы больше не можем позволить себе капризничать из-за ужина. Я вышла из кухни сторбленная и хмурая, ворча себе под нос, что я такими темпами превращусь в Спагеттигерл. Представив, что во мне больше нет костей, я поболтала из стороны в стороны руками – краткая демонстрация не особенно-то впечатляющих способностей Спагеттигерл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.